

МИХАИЛ СМИРНОВ

ПАРАЛЛЕЛЬ 3. ИЗМЕНЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Смирнов

Параллель 3. Изменения

«Автор»

2026

Смирнов М.

Параллель 3. Изменения / М. Смирнов — «Автор», 2026

Жизнь в Параллели продолжается. Главных героев ждут новые приключения, исторические повороты, и все таки - война. Любая дорога имеет свое начало и конец. Чаще это прямая, как траектория пули, бетонная автострада с желтой полосой посередине, которая прорезает меловые холмы и мчится по чахлой траве и выжженной солнцем красной земле, среди песка и хлопковых полей. А бывает и другая. Та, что причудливо вьется между лесов, полей и озер, где в теплой воде нежатся ленивые караси, а по ночам играют русалки. Она пролетает над оврагами и мелкими речушками, оставляя за собой бензиновую копоть, и после прихотливых изгибов приводит тебя обратно в исходную точку, откуда все началось.

© Смирнов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Раушен	16
Глава 3 Война.	21
Глава 4 Умирать не страшно-П.	28
Глава 5 Госпиталь №18	32
Глава 6 Домой!	42
Глава 7 Таврида	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Смирнов

Параллель 3. Изменения

Глава 1

Я сидел за столом, Алеша у меня на коленях, Лена что то готовила. В квартиру ворвался возбужденный Валька и шлепнул на стол газету.

- Ну, что я говорил?! История меняется!

На странице был изображен большой портрет неприятного человека с прилизанной челкой и кляксой усов. Портрет был в траурной рамке. Ниже шла надпись:

"Сегодня, 14 июля 1932 года, в Берлине был убит канцлер Германии и вождь немецкого народа Адольф Гитлер. По данным полиции, произошла перестрелка между штурмовыми отрядами Грегора Штрассера и отрядами СС Генриха Гиммлера. В результате Гитлер получил смертельное ранение. Временно исполняющим его обязанности назначен секретарь НСДАП Рудольф Гесс."

Лёшик потянулся к газете и ткнул пальцем в портрет:

- Это кто?

Я поцеловал его в макушку и смял газету.

- Уже никто, сынок!

Время текло своим чередом, дети подрастали. Мы часто выезжали с ними на берег Бялы, разводили костер, жарили мясо, пели песни. Как то раз мы с Винни изображали лошадей, а Дарья с Лешкой сидели на наших спинах и прищипывали "коней" пятками. Мы с Валентином резво скакали на четвереньках, Лена с Натальей хохотали. Остались даже фотографии.

А в мире тем временем происходили очень интересные дела. Немецкий вождь Рудольф Гесс обвинил Генриха Гиммлера в смерти Гитлера. По результатам судебно-медицинской и баллистической экспертиз, пуля в голову Адольфа была выпущена не со стороны отрядов СА, а сбоку, из окружения верных Гиммлеру эсэсовцев. Разразился скандал, приведший рейхсфюрера СС на скамью подсудимых. Уж не знаю, верны ли были выводы экспертов, или все было сфабриковано Гессом, желавшим устранить конкурента, но в феврале 1933 года Имперский суд признал Генриха Гиммлера и его соратников виновными в смерти Адольфа Гитлера, и приговорил к смертной казни. Вместе с рейхсфюрером расстреляли Эрнста Кальтенбруннера, Теодора Эйке и еще несколько командиров Schutzstaffeln, СС была полностью распущена, деятельность организации в Германии - запрещена.

Кое кому из бывших эсэсовцев удалось получить службу в СА, но основная масса либо эмигрировала, опасаясь (и небезосновательно) репрессий, либо вернулась к своим гражданским профессиям. Борман и Геринг благоразумно присоединились к победителю, попутно вывалив тонну компромата на Геббельса, этого "морального разложения", как его называл Геринг. Министр пропаганды отделался легким испугом и срочно эмигрировал в Уругвай. Еще через год в Германии, переименованной в Третий Рейх, прочно утвердилась власть нового фюрера - Гесса. Благодаря постепенному подъему экономики и ликвидации безработицы, Рейх начал представлять военную и экономическую угрозу для ближайших соседей, в первую очередь для Англии, Франции, Чехословакии и Польши.

Сменивший Эдварда Комаровского на посту президента Второй польской республики Ольгерд Чарский в 1934 году заключил с СССР договор о взаимной военной помощи.

Несмотря на некоторый подъем экономики, Рейх остро нуждался в ресурсах. Германия по прежнему исправно выплачивала репарации Англии и Франции, что болезненно било по карману и самолюбию немцев, инвестиции иностранного капитала ставили Гесса в зависимость от политики США и Англии. В общем, в конце 1934 года немецкая делегация прибыла в Кремль. В результате недельных переговоров и консультаций были подписаны несколько протоколов об экономическом сотрудничестве Рейха и СССР. Советский Союз начал поставлять в Германию зерно, фураж, кое что из металлопроката, и самое главное - бензин. Были подписаны и секретные пакты, о которых нам поведал Лозинский, приехавший погостить на Рождество. Эти документы расширяли сотрудничество Рейха и СССР по вопросам вооружения и строительства военных заводов в Германии, а также обучения офицеров вермахта в военных училищах Советского Союза. Также был составлен пакт Молотова-Риббентропа, как его назовут позже, о возможном решении прибалтийского вопроса в пользу СССР.

Хитромудрый Гесс, разорвав кабальные договоры с англосаксами, приобрел надежного партнера на Востоке. В ответ англичане объявили морскую блокаду портов Германии на Балтике и в Северном море, продлившуюся более трех месяцев. Гесс стерпел, но сделал зарубку на память...

Рождество 1934 года было тихим, спокойным, можно сказать, семейным. Конечно, на улицах хлопали петарды и огни фейерверков раскрашивали морозные узоры на окнах, но не было сумасшедших гонок на тройках, хлопанья пробок шампанского и залихватских песен, которыми мы развлекались четыре года назад. Все же я и Полев были отцами семейств, негжечно выплескивать молодецкую удаль! Но была елка, подарки, гости и пение хором под аккордеон:

*Zima, zima - snieg, snieg, snieg
Z nieba, z nieba sypie sie.
Gdzie nie spojrzysz - bialo.
Wszystko pojasnialo.
Zima, zima - snieg, snieg, snieg.¹*

Заезжал Гжесь с Марией, привезли сала, кровяной колбаски и шикарный самогон тройной очистки. Заходил Новак, сменивший на посту комиссара полиции Валенду, ушедшего с почетом на пенсию. Конечно выпили, поговорили о том, о сем. Мы с Винни через пару лет после поездки в Крым завязали с контрабандой, передав все дела Генриху с Болеком. Денег хватало, и взяв в долю Вацека и Яцека, основали транспортную фирму по перевозке грузов в Польше, Германии и Литве, которая приносила неплохой доход. Так что Полевский и Старинковский стали добропорядочными жителями Белостока. Наташа и Лена успешно занимались переводами для фабричной конторы Соколова, потом подтянулись и новые заказы. Поначалу мне приходилось для них переводить какие-нибудь мудреные выражения с польского на русский, но теперь моя помощь не требовалась - в результате постоянной практики наши жены прекрасно владели языком.

На Сочельник приехал Алексей Константинович Лозинский с Татьяной Михайловной и Михаилом, который к тому времени служил в чине лейтенанта на подлодке "Навага". Новый 1935 год они планировали встретить в Москве. Очень хорошо пообщались, душевно. Попутно Лозинский кое что рассказал о новостях в мире, используя свой статус контрразведчика. В свое ведомство он нас не вербовал, просто общались как старые приятели.

¹ Зима, зима - снег, снег, снег С неба, с неба сыплется. Всё, что видишь - бело. Всюду посветлело. Зима, зима - снег, снег, снег.

Пришла открытка от Шереметева, он поздравлял нас всех с наступающим Новым годом и передавал привет от всех крымских знакомых. Планировал летом приехать в Белосток с Василием.

А пушистый легкий снег все сыпал и сыпал, ночью деревья на Липовой, покрытые белым кружевом и подсвеченные уличными фонарями, казались декорациями из сказок Андерсена. Хотя мы были православными (кроме меня, неверующего), и не слишком соблюдали каноны, то католическое Рождество отмечали наравне с нашим, византийским.

24 декабря Лена с Наташей с утра принялись за готовку, им помогала жена Лозинского Татьяна Михайловна, а мы с Винни, Лозинским и Михаилом поехали за елкой, взяв в фирме у Вацека грузовичок "Рено". Нашли пушистую красавицу, спилили, погрузили в кузов и приняли чуток "для сугреву".

Оттаявшая елка была торжественно установлена в гостиной, запах хвои и снега смешивался с ароматами жареного гуся, томившегося в духовке, марципанов рождественского пирога и апельсинов.

Михаил играл с Алешей и Дарьей, ну а мы с мужчинами позволили себе коньячку в кабинете. Позже к нам присоединился и Лозинский младший.

- Ну что, господин лейтенант, утомили тебя наши сорванцы? - посмеиваясь спросил Валентин.

- Да нет, Валентин Николаевич! Я им про море рассказывал - улыбнулся Михаил. - Они у вас на море не были?

- Пока нет. Вот наверное будущим летом съездим, - вмешался я.

- Куда планируете?

- Пока на Балтику, скорее всего в Раушен², недели на две.

- А к нам, в Крым? - спросил Лозинский старший.

- Хотелось бы, Алексей Константинович, только Алеша и Дарья еще маловаты для такого дальнего путешествия.

Валентин разлил коньяк по лафитникам.

- Ну-с, господа, с наступающим Рождеством!

- С Рождеством!

- С Рождеством!

- С Рождеством!

Через полчаса с кухни послышалось: - Мужчины, к столу!

Погасили свет, зажгли свечи и гирлянды на елке, красно-сине-зелено-желтые огоньки подмигивали, язычки свечей дрожали, за окном сыпался пушистый снег, наметая белые грядки на подоконниках. Было тепло, хорошо и уютно. Я откупорил новосветское шампанское, которое привезли Лозинские, разлил сверкающее вино в бокалы и поднялся из-за стола:

- Господа! Позвольте мне от лица хозяина дома поблагодарить вас всех за оказанную честь быть нашими гостями, за нашу дружбу, за внимание и человеческое тепло, которое связывает нас через многие километры, за... - я слегка задумался.

- Стаарый, за Рождество! - с улыбкой пробасил Винни.

- Да, Валя, и за Рождество! Господа офицеры!

Алексей, Михаил и Винни вскочили, и мы дружно гаркнули два кратких и одно продолжительное "Урррра!", женщины рассмеялись и зааплодировали. Леша с Дашей с удовольствием тоже прокричали "Ура!", им налили лимонаду. Лена подошла к балконной двери и открыла ее. Тогчас вместе с крупными снежинками в комнату влетел нежный перезвон церковных колоколов костела Святого Роха, вдалеке слышался хрустальный звон Кафедрального собора, левее отзывалась звонница православной Николаевской церкви.

² ныне Светлогорск.

Лена улыбнулась и подняла бокал:

- Веселых швѣнт божего народзення, панове!³

Почти до самого утра мы пели песни под гитару и аккордеон, у Лозинского-старшего оказался неплохой слух, мы исполнили "Сулико" на три голоса, танцевали, просто разговаривали, конечно не забывая про закуски и выпивку. Рождественский гусь был великолепен!

На следующий день вечером мы с мужчинами сидели в кабинете и потягивали коньяк. Дети в гостиной гоняли нашего кота Барсика, женщины что то обсуждали на кухне.

Валентин разлил янтарный напиток на четыре лафитника, потом повернулся к Алексею Константиновичу:

- Ну что, господин полковник, может расскажете нам, как вы появились в этой Параллели?

Лозинский улыбнулся, покатав лафитник в ладонях.

- Расскажу. Только давайте, господа, перейдем на "ты" и по имени - все же многолетнее знакомство сие позволяет.

- О, наш человек!

Валентин одобрительно хлопнул полковника по плечу.

Я поднял лафитник, мы выпили.

- Рассказывай, Алексей!

Лозинский дожевывал ломтик палтуса, вытер губы салфеткой, закурил ароматную папиросу "Зефир" и начал:

- Родился я, господа, 18 мая 1890 года в Вильно. Так что, панове, я знаю еззык польски не гоже нишь ты,⁴ - он лукаво подмигнул нам с Винни, мы рассмеялись.

- Так вот, - продолжил Алексей - отец мой служил в губернском жандармском управлении в должности помощника начальника управления. Матушка моя занималась домашними делами. Жалование заместителя начальника хоть и не было большим, но позволяло нам жить безбедно.

Но в 1904 году я осиротел...

Лозинский грустно улыбнулся.

- У мамы был день рождения, и кто то прислал нам большой торт в коробке. Когда она открыла коробку, произошел взрыв. Отец был рядом, они погибли мгновенно. Я спасся, потому что был в соседней комнате. Скорей всего эта бомба была связана с работой отца. Так как живых родственников у меня не осталось, меня определили в Суворовский кадетский корпус в Варшаве на казенный кошт.

Я слегка подмигнул Винни, он чуть кивнул головой. Похоже, после смерти в Параллель попадают сироты и бессемейные. У Натальи тоже погибли родители, утонули в Волге.

Лозинский улыбнулся.

- Несмотря на мое горе, господа, Корпус мне дал многое. У нас не было издевательств над младшими воспитанниками, которые описывал еще господин Куприн. Наоборот, атмосфера была весьма благодушная. Например, существовал эдакий "преподавательский тотализатор". Суть в следующем: когда из учительской одновременно выходили преподаватели и направлялись к классам, кадеты бились об заклад, кто из учителей придет к "финишу" первым. Верными фаворитами были математик Винокуров, а также преподаватели немецкого языка Кориус и Коппель. Самым безнадежным номером оказывался священник отец Григорий, ибо по пути он мог остановиться, затеяв с кем-нибудь беседу. Ставкой в тотализаторе были пирожные или сладкие булочки. И вот однажды во время урока по Закону Божьему один из проигравших кадетов, мой приятель Николай Сизов набрался смелости огорченно попенять священнику, в оче-

³ Wesolych Świąt Bożego Narodzenia, panowie! (пол.) - С Рождеством, господа!

⁴ я знаю польский язык не хуже чем ты (пол.)

редной раз пришедшему последним: - Батюшка, что ж такое, на вас хоть не ставь, всегда последним приходите!

Отец Григорий, несколько опешив, попросил объяснить, в чем собственно дело. Когда ему объяснили, он долго смеялся, и в конце концов, утирая слезы, пообещал исправиться!

Мы расхохотались, а Михаил Лозинский с улыбкой заметил:

- Папа, а эту историю ты мне не рассказывал!

Я плеснул себе и гостям коньяку, мы с удовольствием выпили.

- А как сложилась твоя судьба после окончания Корпуса, Алексей?

Лозинский пожал плечами:

- В Корпусе я был одним из лучших, закончил с отличием, получил чин подпоручика и был зачислен в Крымский конный полк. Через год был представлен к поручику, ну а начало войны встретил уже штаб-ротмистром. Воевал как все, пулям не кланялся, был награжден крестом Святого Георгия 1-й степени и золотым георгиевским оружием.

- Ого! - уважительно присвистнул Полев.

- Да, Валентин. - Лозинский кивнул. - В январе 1915 года наш полк влился в состав 30-го армейского корпуса. Нас перебросили под Перемышль. Там меня и приложило...

Утро выдалось ясное, морозное, туманец небольшой. Пошли в атаку. И попали под огонь австрийской артиллерии. Картинка хоть сейчас на полотно - конная лава, разрывы снарядов и черная земля клочьями на белом снегу, запачканном кровью. Я даже боли не почувствовал - удар, яркая вспышка, и куда то лечу. Почему то попал в воду, в море, вода была соленой. Поплыл к поверхности, вынырнул - мать честная, точно море! И лето, представляете?

Мы с Валькой усмехнулись.

- Еще как представляем! Сами через это прошли.

Алексей изумился:

- Правда? А как...

- Потом расскажем - перебил я его. - Рассказывай, что дальше было.

- Дальше? Дальше выплыл, вышел на берег голый, даже без исподнего! А на берегу форма сложена, полотенце, сабелька моя георгиевская и записка. Берег, слава богу, пустой. Обтерся быстренько, белье натянул, а когда френч застегивал, смотрю - шевроны малиновые и погоны пустые с одним просветом.

- До ротмистра дослужился, ваше благородие! - усмехнулся я. - И что там в записке товарищ Август написал?

- Написал, чтобы я явился в комендатуру... Постой, а почему товарищ Август? Он что, красивый?

- Не обращай внимания, мы с Валентином привыкли к такому обращению. Что дальше было?

- Дальше оказалось что это Крым, май 1915-го, и идет война. Естественно, в голове у меня был полный сумбур, усилившийся объяснениями "товарища" Августа - Лозинский усмехнулся. - Но тем не менее, службу я продолжил. Уже в контрразведке. И встретил в Севастополе девушку, которая подарила мне вот такого прекрасного сына.

Он слегка приобнял Михаила.

- И любовь. Любовь, друзья мои, основывается не только на том, что тебе с ней хорошо и комфортно. Комфортно может быть с содержанкой, даже с умной шлюхой. А вот когда твоя женщина пройдет с тобой все трудности, проблемы рука об руку и вам будет что вспомнить, даже страшное и плохое - да, это любовь.

И я счастлив до сих пор! Ведь любят не за что то, а потому что жить без нее не можешь!

- Что потом? - спросил Винни.

- Потом был распад Империи, революция, и еще одна война, Гражданская. Я воевал вместе с Павлом Сергеевичем Шереметевым во втором Дроздовском офицерском полку, оттуда

и тянется наше знакомство. После окончания войны служу в контрразведывательном управлении Крымской республики. Полковник Лозинский, к вашим услугам!

Он шутиливо отдал честь.

- Слушай, Алексей, а как такой лихой рубака вдруг попал в контрразведку? - спросил Винни.

- О, господа, это целая история! 18 мая, как вы помните - мой день рождения. Мы с Татьяной к тому времени уже были знакомы. Договорились встретиться и отметить это событие в ресторане. Итак, прогуливаемся мы по набережной, а в полумиле от берега стоит линкор "Императрица Мария". И вдруг - взрыв! Причем такой силы, что буквально через считанные минуты корабль затонул.

- У нас это случилось на полтора года позже - заметил я.

Лозинский лишь пожал плечами и продолжил:

- Естественно, на воду были спущены спасательные вельботы, я прыгнул в один из них. Большинство моряков погибло, но кое кого мы успели вытащить из воды. Было много раненых и обожженных.

- День рождения то хоть отпраздновали? - это уже Валентин.

Полковник лишь махнул рукой:

- Куда там! Пока спасали моряков, пока развозили их по госпиталям, уже и вечер начался, а потом и ночь. А я весь мокрый, грязный, и уставший как чёрт! Татьяна взяла извозчика и отвезла меня к себе домой на Большую Морскую. На следующий день вестовой принес мне пакет с распоряжением прибыть в Черноморское контрразведывательное отделение. Ровно в десять утра я был в здании на Суворовской. Меня допросили по поводу вчерашнего взрыва "Императрицы Марии". В ходе допроса у меня сложилось впечатление, что контрразведчики подозревают диверсию. Я изложил свои наблюдения на бумаге, после чего мне было предложено работать в КРО. Людей им не хватало катастрофически! Несмотря на то, что я рвался в действующую армию, в приватной беседе с начальником отдела полковником Селивановым мне дали понять, что работа в КРО не менее важна чем фронтовые подвиги. И я включился в расследование гибели "Императрицы Марии".

Я закурил сигарету, внимательно посмотрел на Лозинского.

- Алексей, кто же взорвал линкор?

- Турки, Анатолий, турки. Была заложена взрывная машинка в пороховой погреб. Но за всем этим стоял Вальтер Николаи, знаешь такого?

- Конечно. Полковник германского Генштаба и руководитель военной разведки Германии.

Лозинский кивнул.

- Вот с этого началась моя работа в контрразведке. Осваивать сию науку приходилось на ходу, но у меня были хорошие учителя. А уж потом, после окончания Германской и Гражданской войны мои навыки пригодились Крымской республике. Ну а у вас, друзья мои, как все складывалось, расскажите!

И мы рассказали. Про ГУПАС, про Параллель и Землю-2, про Отечественную войну, про то, что было после нее...

Лозинские были подавлены. Алексей прижал ладони к вискам.

- Боже мой - прошептал он. - Почти тридцать миллионов русских людей погибли... Непостижимо!

Он поднял голову.

- Так что, Анатолий, случится эта страшная война?

- Надеюсь, что нет. Кое какие изменения к лучшему уже происходят в этой Параллели...

- Дай то Бог!

Лозинский истово перекрестился. Потом мы с Винни рассказывали ему и Михаилу про военные и технические новинки 21-го века. Михаила, как моряка, заинтересовали АПЛ. После упоминания всех возможностей атомного подводного флота, глаза его загорелись.

- Эх, на такой бы подлодке походить!

Окончательно добил его рассказ про АПЛ класса "Акула".

- Господа, вы про нас не забыли?

На пороге стояла улыбающаяся Наташа, рядом - Лена и Татьяна.

Я поднялся с кресла.

- Все, дорогие мои, идем к столу. Наши обормоты еще Барса не замучили?

Наташа рассмеялась:

- Он от них под елку спрятался!

Через день Лозинские уехали, непременно наказав нам, чтобы хоть через год встретиться на благословенной крымской земле!

Новый год мы встречали в ратуше городского управления, где был дан новогодний бал. Прошло все легко и весело, домой возвращались по заснеженным улицам Белостока под перезвон колоколов.

Январь выдался морозным, ясным и солнечным. После православного Рождества мы с Алешей пошли на Бялу. Низкое солнце светило сквозь пушистые от снега ветви прибрежного тальника, сугробы голубели, мороз пощипывал за ноздри. Речка замерзла полностью, сквозь прозрачный лед была видна текущая вода, колышущая придонную траву, и даже мелкие рыбки. Лешик смотрел на подводный мир, я стоял рядом и курил свой "Житан". Деятельную натуру моего сына не удовлетворило простое созерцание, он поднялся и начал бить по льду каблуком. В какой то момент я отвлекся на шорох в кустах, потом услышал хруст проломившегося льда, и увидел Лешика по плечи в воде, растопыренными руками он держался за края пробоины. Все произошло за долю секунды! Я подскочил и выдернул его из полыньи, вода с одежды лилась ручьем! Но Алеша абсолютно не испугался, зато испугался я! Попытался наломать сухих веток и развести костер, потом понял, что это только напрасная трата времени. Скинув с сына мокрые сапоги вместе с носками, натянул ему на ноги свои меховые перчатки, посадил его на закорки, ступни сунул в карманы своей бекеши и помчался домой. Лёха с абсолютным спокойствием воспринял произошедшее. До дома было недалеко, километра два. Все это расстояние я преодолел рысью. Заскочив в подъезд нашего дома, я сокрушенно покачал головой:

- Ох, Леш, боюсь получим мы от мамы...

- Это да, - рассудительно ответил сын.

Когда я с Алешей на спине влетел в прихожую и начал быстро скидывать с него мокрую одежду, выбежала из комнаты Лена и стала помогать мне. За это время я ей кратко рассказал, что случилось. Ленка тут же набрала теплую ванну и мы засунули туда посмеивавшегося Лешку. Вот так, ему смешно, а я еле отдышался после бега по пресеченной местности! Опершись лапами на край ванны стоял любопытный Барсик.

Лена слегка сняла с меня стружку, я только виновато разводил руками.

- Лен, да кто ж знал! Там лед толстый, меня запросто выдержал. Скорее всего железные набойки на лёхиных сапогах и пробили дырку.

- Ладно, Старинов, хорошо что сообразил тут же домой бежать!

Все обошлось благополучно, у Лёшика даже насморка не было. После ванны мы закутали его в теплый халат, положили под одеяло, а я сидел рядом и читал ему сказки. Под боком утопающего пристроился верный Барсик, жмурясь от удовольствия, когда Лешка чесывал ему живот.

Больше приключений не было.

Как то в делах и заботах пролетела зима. Валькин "Хорьх" все чаще стал прибарахливать, несмотря на усилия Винтика и Шпунтика. И пан Полевский задумался о смене авто. А тут

как раз пришел свежий номер журнала "Auto Motor und Sport", наша фирма выписывала его из Германии. На восьмой странице на полном развороте красовался элегантный автомобиль с обтекаемыми формами. На радиаторе - два серебристых овала фирмы Bayerische Motoren Werke. Любопытно! Так, посмотрим, что это за зверь. Зверь оказался интересным: наряду с двухместным спортивным автомобилем предлагалась модель с кузовом седан, пятиместная. Мотор мощностью 67 л.с. (напомню, что на дворе 1935 год, мощность приличная), шестицилиндровый, заявленная скорость не менее 145 км/час. Красив, красив автомобиль из Тюрингии! Так, а что тут мелким шрифтом? Ага, оказывается, по желанию заказчика можно поставить 80-сильный мотор, соответственно скорость до 160 км/ч включительно. Ну-с, и по какой цене продается это чудо? Оказалось, не слишком дорого, 8000 рейхсмарок. Ну для Вальки это вполне приемливо.

С утра слегка подморозило, как часто бывает в марте, но после полудня вполне ощутимое весеннее солнышко превратило хрупкий ледок на мостовой в прозрачные лужицы, в которых качалось голубое небо.

Валентин зашел в кухню, потирая озябшие руки и хищно пошевеливая ноздрями:

- Ага, пахнет вкусно! Чем сегодня у Стариновых кормят, а?

- Пани Хелена свои фирменные отбивные сделала - ответил я.

- О, это я удачно зашел! - улыбнулся Винни.

- Ходят тут всякие, сливки наши лакать, - шутливо проворчал я.

- Во первых, не всякие, а лучшие друзья, во вторых, леночкины отбивные я страсть как люблю, Наташа такие не делает, а в третьих... - он достал из-за спины букетик мимозы - Лени-сик, с 8-м марта!

- Ой, Валь, прелесть какая! Спасибо!

Лена чмокнула довольного Полева в щеку.

- Твой то солдафон поди не догадался тебе цветы подарить!

- Как же! - обиделся я. - С самого утра тюльпанчики преподнес, вон в вазе стоят! Ладно, мой руки и садись за стол.

Вечером решили посидеть вместе и отметить праздник им. Клары Целкин и Розочки Люксембург, шоб они были так здоровы! Через пару часов должна была подойти Натка, а пока Полев уплетал отбивнушки и рассказывал нам разные новости. Жена ксёндза Помяловского выследила своего благоверного у любовницы и задала обоим трёпку, парикмахер пан Цурик выиграл в лотерею 10 000 злотых и на радостях заказал банкетный зал в "Бялом вечоре", доктор Лемке ездил на хутор к заболевшему селянину, простыл сам, теперь лежит дома, лечится, кашляет и ругается матом, Болек и Лелик накануне перебрали, жены устроили им скандал, они обиделись, ушли в гараж, там еще добавили и домой не вернулись. Так уже два дня живут в гараже. Но работу делают, утром отправили пять грузовиков в Гданьск и два в Лейпциг.

- Кстати, надо им моего "Хорьха" пригнать, опять, зараза, клапана стали постукивать! Ох, я на нем меньше езжу, чем чиню. Лен, спасибо, очень вкусно!

- На здоровье! Старый, свари кофейку, а?

- Сейчас, Лен, только перекурим.

Когда сели в кресла, я слегка подтолкнул Полеву раскрытый журнал.

- На-ка, посмотри какую машинку баварцы сделали.

Валька начал читать статью.

- О как! - бормотал он, - так так, передние петли на дверцах, три карбюратора Solex, кузов цельнометаллический... Знаешь, Толь, кабриолет летом хорош, а вот зимой даже с печкой и утепленным тентом того-с, холодновато.

- Да, Валя, зимой на наших кабриолетах особо не поездишь, факт!

Винни продолжил читать статью. Дочитав, отложил журнал в сторону, глаза его горели.

- BMW 327 - торжественно произнес он. - Вот такую машинку хочу.

- Правильно, отличный выбор! Тем более, стоит этот красавец не сильно дорого...

- Да - спохватился Полев, - а сколько там за него просят? Я не посмотрел.

- 8000 рейхсмарок с 80 лошадьми под капотом.

- Надо брать! Ну что, Старый, съездим в Айзенах?

Я пожал плечами.

- А смысл кататься? Выберешь по каталогу, деньги переведем, в гараже как раз подходящий грузовик есть, на нем ребята привезут в Белосток. А уж тут обкатаешь.

Винни задумался. Я понимал, что ему не терпится самому пригнать BMW, но все таки еще только начало весны, дорога дальняя, мало ли что, поломка - и кукуй на трассе.

Валька тряхнул головой:

- Да, Старый, ты прав, пусть ребята привезут.

Он посмотрел на часы.

- Эх, поздно уже! Хотел связаться с фирмачами - но ладно, завтра позвоню. Есть телефон в журнале?

- Есть, есть, - успокоил я его, потом подмигнул - Что, загорелось в одном месте?

- Ага! - широко улыбнулся Валька. - А вот расцветку надо согласовать с девчонками.

- Само собой!

- Тоооля! - донеслось из кухни. - Ну и где обещанный кофе?

Пока я колдовал над плитой, Винни с Леной выбирали расцветку кузова.

Полев хотел благородный темно-синий, а Лене понравилась модель двухцветная, черно-вишневая. Мне, кстати, тоже.

- Это опять получается подбираем машину по цвету тольконого "Майбаха", - рассмеялся Полев.

Мы с Леной только пожали плечами. И решили подождать Наташу, что скажет она.

- Старый, а куда же мне "Хорьх" девать? - задумался Винни.

- А чего голову ломать, продай по дешевке ребятам из Полиции дроговой. А еще лучше - подари!

- Хм... А это мысль! Они люди полезные! Так и сделаю.

Пришли с улицы Алеша и Даша, оба мокрые по уши! Мы их переодели, накормили, и они пошли смотреть книжки с раскрасками, прихватив с собой верного Барсика. По польски они говорили так же как и по русски, считай второй родной язык. Уже неплохо болтали по английски и французски (спасибо мамам), знали немецкий - это уже заслуга дяди Вали. Через два года мы планировали отдать их в белостокскую гимназию. А пока они любили крутить шкалу приемника, находя разные станции. Нормальные дети без электронных гаджетов.

Звякнул дверной звонок, пришла Наташа. Нас с Валентином поставили крутить мясорубку и нарезать лук тонкими полукольцами для мантов, Лена с Наташей замесили тесто и занялись салатами. В четыре пары рук быстро слепили мантишки и поставили на огонь пароварку. Мы с Винни периодически принимали по рюмочке холодненькой "Wyborowy" и пару раз бегали на балкон перекурить. Наконец все было готово, сели за стол, поздравили наших барышень и вручили подарки. Потом пили шампанское, мы с Валентином продолжили "Выборовой", традиционно пели, дети тоже подтягивали. "Семь мостов" с поддержкой детских голосов прозвучала очень душевно. В общем, вечер удался. Да, кстати, Наташа тоже выбрала двухцветный окрас будущей валькиной машины. Ну значит так тому и быть!

Через две недели экспедиторы нашей фирмы привезли авто. Вживую красавец BMW смотрелся еще лучше! Эдакий присевший на задние лапы кот, изготовившийся к прыжку. Естественно Полев, схватив меня в охапку, помчался в гараж. Ну что сказать, достойный автомобиль. С места трогался быстро и плавно, независимые подвески обеспечивали мягкий ход, помягче чем на моем "Цеппелине". Мощности двигателя хватило, чтобы Винни легко разо-

гнался на прямом участке шоссе до 150 км! Хорошая печка и металлический кузов обеспечивали комфорт внутри. Валентин был доволен!

В тот же день он пригнал старичка "Хорьха" во внутренний двор дорожной полиции и царственным жестом положил ключи от него на стол хорунжего Вихуры. Владейте, хлопаки!

Дорожники засмутились, предложили скинуться деньгами, но Полев со своей обаятельной улыбкой отказался. Тогда ребята пригласили его на следующий день в пивную Комарицкого. Я в этом мероприятии не участвовал, приболел малость, простыл на холодном мартовском ветерке. Начали друзья разумеется с пенного, а потом как то плавно перешли на водку. Сгубил их уже бимбер...

Когда Винни в третьем часу ночи, поддерживаемый собутыльниками, добрался до дому, Наталья молча постелила ему в гостевой спальне, а утром устроила небольшую головомойку. Так, для порядка. Сконфуженный Валька грустно вздыхал и говорил "так получилось..." В конечном итоге пани Полевска поцеловала его, и мир в семье был восстановлен.

Наутро Валентин заскочил к нам, прежде чем идти в контору. Мы уже все знали, Натка позвонила Лене, (ну как всегда, женская солидарность) и рассказала о валькиных похождениях. Поэтому увидев мою усмевающуюся физиономию, Винни только махнул рукой.

- А, понятно...

- Валь, кофе будешь? - спросила Лена.

- Да кофе, Лен, как то...

- Так может для поправки? Граммчиков пятьдесят? Или сто? - это уже я.

- Ох, Старый, я бы и сто пятьдесят принял.

- Толь, ну плесни ему коньячку, видишь, мается мужик! - сказала Лена.

Пока Валька поправлялся, а я пил кофе, Лена пошла одевать Лешика, они собрались на прогулку.

Полев с аппетитом закусил бутербродом и попросил на этот раз уже кофе, я налил и сделал еще бутерброд.

- Тебя, что, Натка не покормила?

- Покормила, конечно, но пока к вам шел, аппетит разыгрался.

Старый, - задумчиво спросил Винни - вот скажи, у тебя с Леной серьезные ссоры были? Ну там, носки разбросал, патроны на подоконнике валяются, мусор не вынес? Или наоборот, чулки на диване висят?

Я помолчал, подумал.

- Нет, Валь, ничего серьезного. Ну бывает, поссоримся иногда, полдня дуемся, потом обязательно кто-нибудь первый подойдет и скажет "прости, я был неправ". Или неправ.

Валька покивал.

- И у нас с Натальей так же.

Я усмехнулся:

- Что, скандала захотел?

- Упаси Бог! Просто как то гладко у нас все уже пять лет, да как и у вас, собственно.

- А что ты хотел? Мы их любим, они нас тоже. Просто после смерти все житейские трудности, бытовуха и прочее - так, мелкие неприятности. А мы ведь помирили. Все.

Валька закурил, я подвинул ему пепельницу.

- Толя, а ты не думаешь, что все таки мы действительно умерли, и это - он обвел рукой - просто Чистилище, или что-нибудь подобное. А?

- Да какая разница! К тому же, - я усмехнулся - у мертвых дети не рождаются.

- Как знать, как знать... - в задумчивости пробормотал Винни.

Потом тряхнул головой:

- Ладно, не будем лезть в метафизику. Ты на службу сегодня пойдешь?

- После обеда. Горло уже получше, насморк прошел. Да, забеги пожалуйста в фабричную контору Соколова, там переводы лежат, прихвати.

Полев кивнул. Потом оживился:

- Кстати, у них новая машинисточка появилась, ух, огонь панёнка! Ноги от ушей, глазищи серые, вся такая...

Валька изобразил руками волнистые линии.

- И на меня так посматривает, лаасково... В общем, девка как орех, так и просится на грех!

Я усмехнулся.

- Что, гражданин, весна, кобеляж проснулся?

- Да я так, гипотетически! Если я на диете, это еще не значит, что я не могу разглядывать меню!

Он помолчал.

- Толь, а вот чисто теоретически, если б мы с тобой гульнули, и девчонки об этом узнали...

Вот что бы они сделали?

- Чисто теоретически? Напоили бы нас вусмерть.

- Да лаадно... - недоверчиво протянул Валентин.

- А потом - продолжил я - взяли бы баальшие острые ножницы, и чик!

Валька поперхнулся кофе, потом заржал.

Я тоже, ну невозможно было смотреть на его жизнерадостную мордашу без смеха!

- Так, все, теоретик, дуй на работу! Я часам к двум пополудни появлюсь. Коньячку еще налить?

- Не надо, - величественным жестом выставил ладонь Полев, - я уже в кофе плеснул!

Так в спокойствии и семейных делах летело время.

И аромат былых приключений и сгоревшего пороха уже не будоражил наши ноздри. А жаль!

Хотя насчет пороха я немного неправ: раз в неделю мы выбирались на "пострелушки", как называл их Винни. Умение стрелять требует постоянной тренировки, как впрочем и любое умение.

Наступило лето. Теплое, спокойное, щедрое на солнце и грозы. Вечером и ночью с балкона слышен был страстный лягушачий хор и соловьиные трели.

Контора наша приносила ощутимую прибыль, мы купили несколько пакгаузов, расширили парк грузовиков.

18 июня отметили пятилетие нашего появления в этой Параллели, ну и заодно годовщину смерти. Выехали на Бялу, в то самое место, и устроили пикник. Было весело! А в начале июля мы с Винни взяли двухнедельный отпуск и поехали двумя семьями на море.

Глава 2. Раушен

Маленький, светлый, чисто прусский городок. Мы остановились в отеле "Алекс", почти на морском берегу. До моря - метров двести. Рядом - рыбные ресторанчики, кафе, пивные, парк. В общем, все рядом. Поехали на двух машинах: на валькином BMW и на красном "мерседесе", захотелось девчонкам пофорсить!

Погода стояла изумительная! Ни штормов, ни дождей, только зеленоватое море с бежевым прибрежным песочком пляжа, дюны, сосны и пышные белые облака, под которыми неспешно парили чайки. Радиорубка развлекала курортников польками, народными немецкими песнями и заокеанским джазом, который гремел из громкоговорителей, висевших на столбах. Отдыхающих было не очень много, в основном немцы, но иногда слышалась английская и французская речь.

Управляющий отелем, добродушный немец лет 60-ти Пауль Зоннер разрешил поставить наши автомобили на заднем дворе, где держал свой "Мерседес W02". Валя быстро договорился с ним о найме моторки, и мы часто ходили утречком на рыбалку, а днем катали жен и детей.

Ребятишки наши раньше моря не видели, поэтому впечатлений была масса! Несмотря на довольно прохладную воду (чуть больше 20 градусов), из моря они не вылезали, игнорируя строгие окрики Наташи и Лены. Когда терпению мам приходил конец, они выволакивали эту парочку на горячий песок. На берегу тоже было много интересного! Хорошенько покопавшись в песке, можно найти мелкий янтарь, чем Даша и Лешик промышляли. К концу нашего отпуска у каждого накопилась коллекция из прозрачных кусочков всех оттенков, начиная от почти белого и кончая коричневым.

Вечером мы либо гуляли по стренду, дощатый настил которого пах сосной и приятно пружинил под ногами, либо шли в какую-нибудь кафешку. Курортники сплошь в светлых костюмах, ну и мы были, как говорили на Земле, "в тренде".

Иногда оставляли детей в отеле под присмотром горничной Греты, а сами, по выражению Винни, "шлялись по злачным местам". В Раушене много кабаре, ночных ресторанов, казино и кафе, иногда возвращались домой как только начинало светать. В общем, отдыхали на полную катушку.

В прибрежном кафе "Папаша Гросс" играл неплохой джазовый квартет, в основном с блюзовым оттенком, вечерами наша компания традиционно начинала с него.

Заказали темного пива для нас с Полевым, светлого - девчонкам, ну а малышам мороженого. Квартет еще не начинал играть, зал был полупустым. Пока принесли пиво и все, что к нему полагается, мы негромко беседовали. Естественно, по русски. Я заметил, что человек за столиком слева прислушивается к нашему разговору. Он сидел вполоборота к нам, отлично одетый, приблизительно пятидесяти лет, подтянутый, с умным худым лицом.

Заметив, что я посматриваю в его сторону, он улыбнулся, поднял стаканчик с граппой, бутылка стояла на столе. Я тоже улыбнулся и отсалютовал ему кружкой с пивом. Мужчина встал и подошел к нашему столу.

- Прошу прощения, господа, вы русские? - произнес он почти без акцента.

- Да, мы русские, господин... - ответил Винни.

- Гюнтер фон Гольдринг, к вашим услугам - он слегка наклонил голову.

- Присаживайтесь, господин барон - я указал на свободный стул.

Гюнтер сел.

- Барон? А почему именно барон? А вдруг я князь или граф? - он лукаво усмехнулся.

- В Германии мало князей, и благодаря газетам я знаю их в лицо. Графов немного меньше, чем баронов. Поэтому я предположил, что вы барон.

- Нет, дружище, я именно граф.

Мне оставалось только пожать плечами, улыбнуться и представить графу моих спутников, не забыв упомянуть и себя. Разговорились. Оказывается, до пятнадцати лет Гюнтер, так он просил себя называть, без титулов и прочей геральдической мишуры, жил с родителями в Москве, на Садовом кольце.

- Я москвич в третьем поколении - улыбнулся он. - Мой дед, граф Иероним фон Гольд-ринг, приехал в Россию еще при императоре Николае Павловиче и поступил на воинскую службу, которую продолжил мой отец, Фридрих. Но в 1900 году в Германии скончался наш родственник, очень богатый человек, единственным наследником которого оказался мой отец. Условием вступления в права наследования было германское гражданство. И мы переехали в Фатерлянд.

Заметив мой вопросительный взгляд, он усмехнулся:

- Наверное, Анатолий, вы хотите спросить, участвовал ли я в Великой войне?

Отвечу: нет.

- Гюнтер, а чем вы сейчас занимаетесь? - повернулась в его сторону Наташа.

- Собственно, ничем, фрау Наталья. Средства позволяют мне вести праздный образ жизни. Я много путешествую, по профессии антрополог, в достаточно позднем возрасте закончил университет в Бонне. Побывал на Тибете, на Кавказе, в Южной Америке, да много еще где.

Граф оказался интересным собеседником, он красочно описывал свои экспедиции, с юмором. Ну и как всегда заговорили о политике.

- Гюнтер, - спросил Винни - а как вы относитесь к Гессу и его управлению Рейхом?

- Рейх, Валентин, это всего лишь дань прошлому. Пока.

- Пока?

- Да, пока. После войны Германия потеряла не только малочисленные колонии в Африке, но и часть своей территории в Европе. Согласитесь, это несправедливо. Поэтому, как мне кажется, Германия будет возвращать утерянные земли, а также присоединять новые. И вот тогда она сможет называться Рейхом!

- Война? - спросила Лена.

- Да, фрау Елена. Но не такая глобальная. Небольшие конфликты, локальные по сути.

- С локального конфликта в Сараево началась Большая война... - медленно произнесла Лена.

Гюнтер покачал головой.

- Гесс этого не допустит. Во первых, в отличие от Гитлера он независим. Во вторых, и это главное, он дружит с Москвой. И в третьих, главный враг Германии, как кстати и СССР, Англия. Англия! Которая постоянно провоцирует европейские государства на войны, в результате которых идет обогащение Короны. Вы наверное знаете, что золото, которое последний русский император отправил на Остров до сих пор хранится в подвалах Вестминстера?

Я кивнул.

- Да, знаем. И знаем прекрасно, что такое мировая бойня.

Гюнтер откинулся на спинку стула, лицо его стало очень серьезным.

- Я тоже знаю. Мой отец и мать погибли на войне. Бомба. Но, Анатолий, немцы лишь хотят вернуть то, что принадлежало им по праву. И если этому будет мешать Англия и ее ближайшая союзница Франция, мы будем воевать.

- С кем? - устало спросил я. - С мощными державами с огромным количеством ресурсов?

- Анатолий, англичане и французы плохие солдаты, особенно французы. В мире есть только два солдата - немец и русский.

Мысленно я его поправил - русский и немец. Но вот насчет того, что это лучшие солдаты в мире, он прав.

Нашу дискуссию прервали трое штурмовиков, с хохотом ввалившихся в кафе. Полупьяные, с красными рожами. Один громко заорал:

- Смотри, Зепп, тут явно сидят жида!

И они стали медленно обходить все столики, тыча пальцем в курортников:

- Юде?

- Да вы что себе позволяете?!

Штурмовик небрежно швырнул мужчину на стул.

- Сядь, папаша, ты вроде немец.

Обход продолжился.

Когда подошли к нам, я под столом подтянул ноги и взял наташину кружку в левую руку. В правой была моя. Ах, как замечательно работать двумя пивными кружками, тяжелыми, из литого богемского стекла, даже лучше чем кастетами!

Штурмовичок уставился на наших жен, потом осклабился и ткнул пальцем в сторону Полева:

- Юде?

Валька хищно улыбнулся и ласково произнес по русски:

- Ах ты, падла паскудная, да я ж тебя, суку, порву!

Штурмовик выпучил глаза, затем захохотал.

- Русишь, русишь гут! Товарищ!

И показал большой палец.

Я расслабился.

- Хальт! - как удар хлыста прозвучало от входа, так, что все обернулись. В дверях стоял полностью седой гауптман и двое унтеров с повязками "Militärpolizei".

Гауптман держал руку на кобуре с "люгером", у унтеров на плечах уютно пристроились MP-28.⁵

- Фельдфебель, ко мне! - властно приказал гауптман. Вся тройка чуть ли не бегом бросилась исполнять приказ.

Не сводя с них глаз, офицер бросил подчиненным:

- Фройзак, Шмидт, этих свиней - в комендатуру. Выполнять!

Подталкиваемые стволами автоматов, понурые штурмовики быстро вышли из кафе.

Гауптман обернулся к сидящим в зале:

- Прошу прощения, господа! Эти скоты обошли уже два кафе, мы нашли их здесь, у вас.

- Господин офицер, - спросил кто-то - а что им будет?

Гауптман усмехнулся.

- Суд решит. Но думаю они снимут форму, которую опозорили, и поедут в Рур помогать нашим шахтерам добывать уголь. Приятного отдыха, господа!

Он небрежно бросил ладонь к козырьку фуражки и вышел.

С момента наглого вторжения штурмовиков до их ареста прошло не более трех-четырех минут. После того, как ушел седой гауптман, все посетители кафе возбужденно заговорили.

Гюнтер с интересом повернулся к Полеву.

- Bravo, Валентин, как вы его обложили, мерзавца! Это что, тюремный язык? Вы общались с уголовниками?

- С кем мы только со Стариновым не общались! - улыбнулся Винни. - Но вернемся к нашему разговору.

Гюнтер немного задумался, потом кивнул.

- Да, в настоящий момент Германия не так сильна экономически, но пройдет хотя бы еще четыре года, и англо-французский союз будет нам не страшен! Уже сейчас наши автомобили не уступают даже американским.

Полев кивнул.

⁵ MP-28 - немецкий пистолет-пулемет

- В военной промышленности нам тоже есть чем похвастать - новый Мессершмит-109 очень серьезная машина. В настоящий момент вермахт перевооружается, на смену устаревшим Panzer I и Panzer II идет полным ходом производство абсолютно нового танка, III, которому не страшны легкие танки Рено, английские Виккерсы и американские Кристи.

- Гюнтер, откуда у вас такие подробные сведения? - спросил я.

- У меня есть некоторые знакомства в военных кругах, Анатолий. Но дело даже не только и не столько в вооружении, сколько в моральном духе нации. И Гесс старается после бардака Веймарской республики и недолгого правления полубезумного Гитлера сплотить немцев вокруг единой идеи. А эта идея - построение великой страны, которую уже можно будет с полным правом назвать Рейхом! Мы, немцы, народ трудолюбивый и дисциплинированный, нам нужна лишь идея и вождь. И тогда Германия возродится после всех потрясений.

- За счет угнетения покоренных народов?

Гюнтер поморщился:

- Анатолий, не оценивайте внешнюю политику Германии по пропагандистским речам Геббельса. Это он призывал к уничтожению, как любил говорить, "неполноценных народов". Но слышали ли вы такой призыв от Гесса, Геринга, и других представителей власти? Нет.

- А как же только что произошедшее? "Зепп, здесь полно жидов!" - вмешался Винни.

Гольдринг обернулся к нему.

- Вы сами видели, чем все закончилось. И я готов биться с вами об заклад, что эти скоты бывшие эсэсовцы! Это, кстати, легко проверить. Антисемитизм в Германии скорее бытового уровня, чем государственного.

Тут он был прав, евреев не загоняли в гетто и не громили их магазины.

- Гюнтер, а вы часом не член НСДАП? - я слегка пустил шпильку.

Тот развел руками и улыбнулся:

- Я, как говорят в России, "сочувствующий"! Впрочем, господа, не будем утомлять дам тяжелыми разговорами, тем более уже пришли музыканты.

Мы согласились, и к этому разговору больше не возвращались.

Забегая немного вперед, замечу что в этом варианте Германии не было концлагерей, были просто тюрьмы и трудовые лагеря наподобие наших ИТЛ.

Идеи оголтелого нацизма и пангерманизма уступили место национализму. С компартией обстояло дело сложнее...

КПГ получила треть мест в рейхстаге, и уже с ней нужно было считаться. Для Гесса и его сторонников коммунисты были постоянной головной болью, но оппозиция, настоящая, а не оппортунистическая, была нужна, это понимали все. К тому же за Тельманом стоял Коминтерн, а за Коминтерном - Москва, политический союз с которой был жизненно необходим для Германии. Так что, в этой Параллели уже начали происходить достаточные изменения, чтобы робкая надежда избежать мировой войны постепенно становилась реальностью...

Мы вернулись в Белосток отдохнувшими, загоревшими и расслабленными. А впереди были еще день рождения Винни, годовщина наших свадеб, дни рождения детей, жен, и трудовые будни, само собой!

В конце августа приехали гости, Шереметевы. Без сына, Васька сейчас был в Средиземном море на крейсере "Князь Владимир". Они никогда не бывали в Варшаве, поэтому мы устроили им небольшую экскурсию. Трое улыбочивых ребят из охраны графа постоянно находились с нами, но отдыхать не мешали. Павлу Сергеевичу и Прасковье Васильевне очень понравились наши сорванцы! Алеша и Дарья уже стали звать их "дед Паша" и "бабушка Паша", что всех веселило. Специально для охраны устроили пострелушки в карьере, Шереметевы остались дома с детьми. И перед самым их отъездом нанесли визит Устимовичам. Гжесь по такому случаю надел костюм с галстуком!

- Вось глядьзи, Толя, граф, але обыходливы. Я бачу, добры мужик! И жена у яго добра
- заключил Гжесь в конце нашей встречи.

- Будзеце яшче у наших краях, миласци просым! - это уже Шереметевым. Те поблагода-
рили и ответно пригласили Гжеся и Марию к ним в Крым. Но Гжесь, уже наслышанный от меня
и Вальки о дворце Шереметевых, засмутился. И видимо поэтому перешел на русский язык:

- Спасибо, гости дорогие, но у нас тут дела, хозяйство... Сами приезжайте!

Как то незаметно проскочила осень, зима, и в начале апреля мне позвонил Лозинский.

Глава 3 Война.

- Здравствуй, Анатолий!
- Рад тебя слышать, Алексей, привет! Как погода в Крыму?
- Погодка комфортная, но я тебе звоню по другому поводу. Ты ведь в курсе, что уже неделю идут бои на Карельском перешейке?

- Конечно. Радио работает, газеты читаю.

Лозинский немного помолчал.

- В связи с этим вчера, на заседании Сената Крымской республики принято решение о формировании Добровольческой крымской дивизии для помощи СССР. Я, Михаил и Василий Шереметев в числе добровольцев. И знакомый тебе ротмистр Шлоссер - тоже. Поэтому я уполномочен предложить тебе и Валентину вступить в ряды добровольцев..

Возникла небольшая пауза. Честно говоря, предложение Лозинского было неожиданно. То ли я постарел, то ли жирок мирной жизни слегка облил мышцы. К тому же сейчас мне было кого терять. И Полеву тоже.

- Алексей - медленно ответил я - предложение неожиданное, и, не скрою, рискованное. Дай мне времени до завтрашнего утра, и я тебе отвечу. Звонить по тому телефону, который ты мне давал?

- Нет. Вот по этому... - и он продиктовал номер, который я записал.

- Толя, - мягко заговорил Лозинский, - это шанс поучаствовать в изменении Параллели, ты ведь хотел этого? И еще: правительство Крыма будет благодарно добровольцам за помощь. Очень - он выделил это слово - благодарно. Ты понимаешь?

- Да. Ты знаешь, наверное завтра мы дадим тебе положительный ответ. И - вопрос: зачем Крыму влезать в эту войну?

- Ответ - усмехнулся на том конце провода Алексей - Укрепление связей Крыма и СССР, вооружение, ресурсы, качественно новый политический статус республики, да и много чего еще. Ну и конечно помощь стране, с которой у Крыма сложились добрые отношения. Все таки мы русские.

- Хорошо, Алексей. Я позвоню тебе завтра.

Я тут же набрал домашний номер Винни, Валька был дома, ужинал.

- Валя, есть срочный и серьезный разговор, дуй ко мне.

Я пересказал Валентину наш разговор с Лозинским. Полев задумался.

- Старый, сам то что решил?

Я вздохнул.

- Понимаешь, друг мой, с одной стороны уже не хочется воевать, в нашем времени нахлебался этого во! - я провел ладонью по горлу. - С другой стороны... Лозинский прав, это шанс изменить Историю. Да и люди идут на фронт не самые плохие, в хорошей компании и драться легче. К тому же... Мы ведь хотели переехать в Крым, верно?

- Так то оно так, - покачал головой Валька. Потом криво усмехнулся: - Девки взвоят... Кстати, Старый, мой дед погиб на финской, там, у нас на Земле. Так что я - с тобой.

У меня словно камень с души упал. Решение было принято, пути назад нет.

Лена была на кухне, я подошел к ней, крепко обнял.

- Старинов, что случилось? - улыбнулась она, но в глазах была тревога, почувствовала. Я рассказал ей все. Она подошла к окну и долго смотрела на красную полосу заката. Потом обернулась. Слез не было, но ее глаза... Лучше бы я в них не смотрел.

- Я так понимаю, отговорить вас уже невозможно? - устало спросила Лена.

Мы с Валькой отрицательно помотали головами.

- А если вас убьют, каково нам с Натальей будет? А детям?

- Лена, - Полев сжал руки - я тебе обещаю оберегать Тольку, а он будет оберегать меня.
- Только пули и снаряды об этом не знают - пробормотала Лена.

Повисло тяжелое молчание.

- Больше пяти лет счастья... Господи, взрослые мужики, дом, семья, дети, и опять на приключения потянуло.

- Нет, Лен, - мягко сказал я - не на приключения. Это возможность изменить положение вещей в Параллели. Помнишь, как мы об этом говорили? К тому же Алексей вместе с сыном идет, Шереметев-младший - тоже. А мы получается в стороне. Неправильно это.

Пришла Наталья. Рассказали и ей. Она рассвирепела, назвала нас с Полевым идиотами, но в конце концов махнула рукой.

- Горбатый, могила, лопата - только это я вам могу сказать!

Честное слово, мне бы под пулями было легче, чем от слов, которые сыпались на нас с Валькой. И ведь они были правы по своему! В конечном итоге все закончилось женскими слезами. Самое тяжкое! Зверски хотелось курить, аж пальцы чесались!

После тяжелого разговора жёны все таки отпустили нас на фронт.

Через три дня мы уже были в Ленинграде, где окончательно сформировалась дивизия. Три стрелковых полка, два артиллерийских, медсанбат, разведка, связь и Интернациональный батальон, в котором было довольно много немцев и карелов. Также присутствовали, чехи, сербские четники, валлонцы, американцы, французы, наши поляки тоже. Командовал Интербатальоном серб, капитан Драган Милинкович. Командир дивизии - генерал-майор Александр Михайлович Сотников.

Алексей Лозинский был прикомандирован к контрразведке дивизии, куда он сразу забрал Полева, Вальке присвоили чин подполковника.

Ну а мне навесили голый погон с одним просветом и назначили командиром 2-го ударного батальона. Михаила Лозинского командование РККА перевело на бронекатер, Шереметев младший попал на эсминец Краснознаменного Балтийского флота "Гневный".

В моем батальоне в основном были ветераны, у многих на гимнастерках белели Георгиевские кресты, а кое у кого поблескивали серебром и венки "Ледяного похода". Молодых добровольцев насчитывалось около трети батальона.

16 апреля мы выдвинулись к Муолаа, где батальон получил боевое крещение.

Приданная командованием РККА танковая рота при огневой поддержке батальона смогла преодолеть заграждения и надолбы так называемой "линии Маннергейма", и обеспечить наше продвижение вперед. Но дальше 300 метров продвинуться без потерь мы не смогли. К вечеру 16 апреля Муолаа был взят, мы потеряли три танка, двенадцать добровольцев убитыми и пятнадцать раненых, трое из них - тяжело...

Почти три месяца мы в деле. Взят Выборг, который финны называли Виипури, идем дальше, к Тампере. За три месяца потери в батальоне небольшие, сказывается опыт ветеранов. Справа - корпус Мерецкова, "красные". Периодически выходим с ними на радиосвязь. Когда наша третья рота при штурме деревушки Симпола чуть не погибла под минометным обстрелом, танкисты Мерецкова здорово помогли, за что им огромное спасибо. Когда выбили остатки 4-го егерского батальона из деревни, в запертном сарае нашли двенадцать трупов. Это были карелы. Женщины, дети, двое мужчин. Они смотрели светлыми глазами в высокое небо, а по лицам ползали мухи...

От Мурманска наступал 19-й мехкорпус генерал-лейтенанта Рокоссовского.

Эсминец "Гневный", где служил Шереметев-младший, в составе ударной морской группы участвовал в поддержке огнем высадки десанта в Хельсинки. Через четыре дня столица Финляндии была взята. Корабли Балтфлота вошли в Ботнический залив. Бронекатер Михаила

Лозинского, которому к этому времени присвоили старшего лейтенанта, лазал по шхерам и вместе с другими судами выбивал финнов с островов.

Через полевую почту приходили письма из дома. Война шла к концу. Но еще оставался корпус генерала Хеглунда за Сайменским каналом.

В последних боях потери личного состава в каждой роте были ощутимыми, в основном "трехсотые", как говорили когда то у нас, на Земле. Финны дрались отчаянно, понимая что в плен мы не берем...

Небольшая деревушка среди озер и скал, финны отступили. Мы зашли в нее с юга. На выгоревшем от солнца дереве ворот был распят красноармеец. Молодой парнишка лет двадцати, светловолосый. Одна ступня отрублена, из глазниц медленно капала на грудь кровь. Глаз не было. На животе выжжена звезда, а на груди висела табличка - "Добро пожаловать, господа-товарищи!"

- Ссуки...- выдохнул за спиной прапорщик Орловский.

Все стояли молча.

- Прапорщик, - устало сказал я, - возьмите бойцов и снимите красноармейца с ворот. Только осторожно! Похороним с почестями.

После того, как истерзанное тело в обрывках гимнастерки РККА было предано земле, я повернулся к своим солдатам.

- Батальон! Слушай мою команду! Пленных - не брать!

При любой возможности приезжал Валька на своем штабном БТР-100.

Отличная машина, чем то напоминающая наш земной БТР-152.

- Старый, финны при отступлении травят колодцы. Так что смотрите там, поаккуратней! И мы смотрели.

Остановились на постой в зажиточном селе Тариола. В нем даже кирха имелась. Уставшие и пропыленные бойцы тут же облепили колодец. Гремя цепью, ведро ухнуло в темную прохладу, а потом стало подниматься, ударяясь о стенки и плеща водой.

- Отставить! - заорал я. - Господа ротные командиры, кому я намерен рассказывать про отравленные колодцы? Извольте навести порядок!

- Так, господин капитан, пить то хочется, - сконфуженно пробормотал поручик Сергеев.

- Попьете, поручик. Только сначала надобно проверить эту воду.

Я осмотрелся. Прямо напротив колодца на скамеечке у ворот сидел седой финн и невозмутимо курил коротенькую трубку.

- Вот этого селянина тащите сюда!

Когда бойцы его привели, я показал на ведро:

- Выпей, папаша. Пожалуйста - добавил с улыбкой.

Финн насупился и пить отказался. Пришлось вытащить из кобуры трофейный "Лахти" и щелкнуть затвором.

- Или ты, морда чухонская, выпьешь, или я тебе башку прострелю.

Он залопотал что-то по своему.

- Аня, переведи, - бросил я через плечо.

- Он говорит, что эту воду нельзя пить, она плохая.

- Ясно. Спроси его, сколько еще колодцев в Тариола.

- Куинка монта кайвоа кюлясса он?

- Кууси - ответил финн.

- Так. Все колодцы вряд ли отравлены, из шести хоть один наверняка будет чистым. Господин поручик, - повернулся к Сергееву, - обойдите с этим бородатым хреном все колодцы, пусть снимет пробу. И на всякий случай прихватите с собой десяток господ офицеров!

Батальон наш был офицерский, как таковых рядовых не было, самый младший чин - подпрапорщик Петя Соловьев.

Как и следовало ожидать, из шести колодцев четыре были отравлены...

Утро, раннее, летнее. Сквозь прибрежные сосны тонким карандашом лучи солнца расчерчивают песок на берегу маленького озерца почти идеальной круглой формы. Вода в озере темно-синяя, прозрачная, в ней качаются отражения карельских сосен, а на дне наверное лежит среди прохладных камней мельница Сампо...

- Доброе утро, товарищ капитан!

Я улыбаюсь.

- Доброе утро, Аня!

Анна Тимолайнен, наш санинструктор и переводчица, красивая 19-летняя девчонка. Когда Добровольческая дивизия освободила Восточную Карелию, она была в финском концлагере. С началом войны в их деревню пришли финны, и загнали всех за колючку. Тех, кто пытался сопротивляться, повесили, прямо в центре деревни.

- Мы сначала не поняли ничего - рассказывала Аня. - У нас в деревне жили в основном карелы, уже больше трехсот лет. А потом пришли военные и стали нас выселять. Дорогу за мостом заминировали. И стояли на мосту. По дороге ехали на велосипедах наши мальчишки, человек пять. Мы из-за проволоки видели, что финны их остановили, о чем то спросили, потом пропустили. Прямо на мины. Мальчишки не знали, что дорога заминирована. А солдаты смеялись... Когда мины взорвались, четверо ребят еще были живы. Финны подходили к ним и разбивали прикладами головы.

Анна все это рассказывала без выражения, монотонно, поэтому сильнее цепляло...

После освобождения она не осталась в деревне, дом их семьи сожгли. Попросила зачислить ее в РККА. Ввиду того, что накануне войны Аня окончила фельдшерские курсы и знала финский, карельский и шведский языки, ее направили к нам, во 2-й ударный Крымский батальон.

Со спины неслышно подошел сотник Кречетов, командир разведроты. Я его разочаровал:

- Петрович, опять пластунский форс?

Сотник усмехнулся.

- Здравия желаю, комбат! Неужто шаги услышал?

Я повернулся. Обычно Семен носил простую полевую форму с тремя звездочками на защитных погонах, но сегодня на нем была черная черкеска с газырями, кубанка и мягкие кавказские сапоги.

- Да нет, ичиги твои даже на песке не слышны. А вот поясок звякнул.

- Не может быть!

- Шучу, шучу. Тень твою сбоку увидел, в следующий раз посолонь заходи.

Кречетов рассмеялся.

- Да, а чегой-то ты такой красивый?

- Так сегодня Пятидесятница! Негоже казаку такое забывать!

Казаку... Как то после освобождения очередной деревушки услышал я неумелое пиликаание. Подпоручик Голицын пытался изобразить мелодию на аккордеоне, подобранном в финском блиндаже. Поморщившись от звуков, отдаленно напоминавших мяуканье кошки, я забрал инструмент и сыграл для начала марш Дроздовского полка. Подтянулись кубанцы.

- Господин капитан - обратился хорунжий Семеняка - а казачью песню сыграете?

- Казачью? - я улыбнулся и вспомнил бабушку. - Подтягивайте, станичники!

Скакал казак через долину,

Через кавказские края.

Скакал он, всадник одинокий,

Кольцо блестело на руке...

Потом ко мне подошел сотник Кречетов.

- Ну, уважили, господин капитан, спасибо! Откуда песню эту знаете?

- Бабушка моя часто пела, считай с детства слышал.

Сотник покрутил головой.

- Бабка - казачка?

- Чистокровная, со Славянска-на-Кубани.

- А я с Тимашевской! - Обрадовался Семен. - Выходит, земляки, ваше благородие?

- Да я, господин сотник, казак наполовину. Родня по материной линии та да, вся с Кубани.

Дядька из Краснодара...

- Екатеринодара - поправил сотник. - У нас, казаков, проценты не считают! - рубанул рукой Петрович. - Наша казачья кровь завсегда над другими верх возьмет!

Утреннее солнце играло на наборном пояске черкески и на латунном оголовье кинжала. На груди скромно поблескивала анненская "клюква"⁶ с двумя Георгиями. И весь он такой был ловкий, подвижный, "как ртуть, толчком в ступе не попадешь", говаривала моя бабка. Сотник помахал рукой улыбающейся Анне.

- Анюта, вечером буду тебя настоящим шашлыком кормить!

Потом повернулся ко мне, посмеиваясь:

- Ежели командование нас опять не пошлет чухонцам бошки резать! Что там по сводке, господин капитан?

Я пожал плечами:

- Приказано дожидаться пополнения и на всякий случай занять оборону.

Петрович кивнул.

- Ну и ладно! Мои хлопцы у местных трех баранов взяли и курей.

- Постой - нахмурился я, - как взяли? Реквизировали, что ли?!

- Да ты что, комбат! За их чухонские марки купили, все честь по чести.

Вдали закуковала кукушка. Семен нахмурился.

- У, зараза!

- Ты чего?

- Да я ее, сучку, в это лето первый раз со спины услышал...

Есть у казаков такая примета, первый раз кукушку за спиной услышал - к смерти.

Помолчали, жмурясь на солнышко.

- Петрович, ты с какого года?

- С девяносто шестого, в этом году сорок стукнет. Ежели доживу.

- Да куда ты денешься! Мои сорок лет надо будет еще отметить!

- А ты, Михалыч, с какого?

- С девятьсот первого.

- Молодой ишо казачок! - рассмеялся сотник. - С красными воевать приходилось?

- Да нет, наш корпус в Дамаске стоял, мы с арабами рубились.

- А я вот с самого начала Гражданской и до замирения воевал. А теперь бок о бок вместе с красными... Чудны твои дела, Господи! А давай-ка, ваше благородие, твоих фильдеперсовых покурим!

Мой запас "Житана" улетучился за две первых недели, пришлось перейти на "Беломор". Но когда взяли Тампере, в табачной лавке я увидел свои любимые сигареты и скупил все.

В июне дни длинные, светлые. Как только фиолетовые тени от сосен стали удлиняться, на песочке у озера распалили пару костров и стали жарить шашлык и кур на вертелах. Кубанцы

⁶ Орден св. Анны

вместе с нашим поваром Елизарычем сноровисто крутили мясо на шампурах, остальные сколачивали столы,

нарезали овощи, хлеб. Привлекли к этому процессу нашу Анюту, помогать ей вызвался подпоручик Силантьев, ее тайный воздыхатель. Каждое утро возле палатки санинструктора колыхались на ветерке полевые цветы, аккуратно пристроенные под затяжку. Над Михаилом все слегка подтрунивали, но он не обращал внимания. А Аня с улыбкой ставила цветы в воду.

Украсили столы березовыми ветками, Миша Силантьев преподнес Ане целый венок из цветов. Уж где он его собрал в этих лесах, трудно сказать. Аня покраснела и прошептала:

- Спасибо!

- Оле хювя! - блеснул знанием карельского подпоручик.

Когда дивный аромат пополз по лагерю, господа офицеры стали облизываться и давать кулинарные советы. Заведовавший готовкой сотник сначала не обращал внимания, но когда чаша терпения переполнилась, он послал господ офицеров скопом и по матушке. Господа офицеры благообразно удалились.

Я обошел все посты, попутно проверил оружие. В последний визит Винни привез нам тридцать новых винтовок СВТ-35, в общем, та же СВТ-38, только появившаяся в этой Параллели раньше. Несколько винтовок были с оптикой. Привез Валька и плохую новость. Бронекатер Михаила Лозинского был расстрелян из пушек линкора "Суоярви", весь экипаж погиб. Но тело Лозинского-младшего не нашли, что давало слабую надежду. Но очень слабую.

- Алексей весь черный стал, постарел сразу - сокрушенно говорил Винни. - Жалко мужика...

- Может не погиб Миша, выплыл? - вздохнул я.

- А, - Полев сокрушенно махнул рукой, - уже четыре дня прошло, и ни слуху ни духу... Алексей виду не подает, но я то вижу, как ему хреново...

Когда закуска была готова, сотник Кречетов о чем то заговорщицки пошептался с Елизарычем, тот покосился на меня и кивнул. Семен своей упругой походочкой подошел ко мне, за пять метров перейдя на строевой шаг, и вскинул ладонь к кубанке.

- Господин капитан, разрешите обратиться?

- Говорите, сотник.

- Тут такое дело... - он слегка замялся. - В общем, комбат, на сухую Троицу отмечать не по христиански.

Его разбойничьи карие глаза смеялись.

- И?

- Михалыч, мы давеча обоз финский взяли, помнишь?

- Ну конечно.

- А там ящик винца был, ты приказал Елизарычу его убрать...

Я усмехнулся.

- Раздербанить хочешь, Петрович?

- А как иначе? - с жаром спросил Кречетов.

Я махнул рукой:

- Приговариваю своей волей этот ящик к уничтожению!

- Любо, атаман! - засмеялся сотник.

Когда расселись за наскоро сколоченные столы, хорунжий Желтов поднял стопку.

- Господа офицеры, господа казаки! За светлый христианский праздник Троицы! Да охранит нас Матерь Божия от пули и от штыка! И пошлет Победу воинству христолюбивому! Ура, господа!

Все дружно прокричали "ура" и перекрестились. И даже я.

Потом негромко пели, я наигрывал на аккордеоне танго, вальсы, и единственную нашу барышню господа офицеры наперебой приглашали танцевать. Глядя на тонкую изящную фигурку, которую не портила даже мешковатая полевая форма, на покрасневшее красивое лицо, я мысленно взмолился: - "Господи, если ты есть, убереги ее! Ей и так крепко досталось! Убереги!"

Пальцы задумчиво перебирали клавиши трофейного аккордеона, что то мне стало грустно...

Рядом сел командир второй роты штабс-капитан Алахвари, мой замбой.

- Что задумались, ваше благородие? Или вино горчит, или шашлык не вкусный? Сыграй, командир!

Я легонько потянул меха.

Эту песню еще не написали. Но я все равно ее спою. Сейчас.

*С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс "Осенний сон"
Играет гармонист...*

Задумались мои бойцы. Наклонили головы.

*И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;
И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал - дорога к ней
Ведет через войну...*

А потом казачки при свете костров отплясывали лезгинку и козыряли фланкировкой! В общем, хорошо Троицу отметили. Мы со штабс-капитаном Алахвари обошли посты, все было спокойно. Только вдалеке, за лесом что-то погромыхивало. Может гаубицы, а может и летняя гроза.

Глава 4 Умирать не страшно-II.

На следующий день батальон пополнился. Новобранцев раскидали по ротам, провели огневую подготовку. Кстати, опробовали СВТ, бойцам самозарядка понравилась. Винтовки с оптикой тут же прибрал в свою разведроту сотник Кречетов.

Так прошли четыре дня. А на пятый утром прикатил подполковник Полев. Услышав знакомое рычание "сотки", я улыбнулся и вышел из палатки. Винни что-то сказал шоферу и направился ко мне. Сегодня он был какой-то хмурый. И грустный.

- Пойдем, Толя, - Валентин кивнул головой, - поговорить надо.

Зашли в палатку.

- Капитан Старинов, - тусклым голосом начал Валька, - ввиду наступления противника вашему ударному батальону командиром дивизии приказано занять позиции вот здесь, севернее Коостамари - он ткнул пальцем в карту, расстеленную на столе, - и удержать финнов хотя бы четыре часа.

Полев вздохнул.

- В общем, Старый, хреново все. Мехкорпус Мерецкого здесь - он опять ткнул в карту, - на северо-востоке, помощи от него не будет. Сейчас идет перегруппировка войск, задача простая - замкнуть кольцо и добить финнов окончательно. Вы - на острие. Пока будете держаться, наши ударят с флангов...

Паршиво... В общем, старая военная стратегия. Паскудная, но оправданная: отдать батальон на убой, а самим обойти финнов.

Помолчали.

- Ладно, Валь, понятно. Давай приказ, распишусь.

Полев достал из планшета приказ, я подмахнул его не глядя.

- Сколько их будет?

- 38-й пехотный полк. Наступать будут вот по этой рокаде. Вам надо встать здесь, слева озеро Лестиярви, справа скалы. Место узкое, финны застрянут как в бутылке.

- Фермопилы. И триста спартанцев... Ну что, друг мой, передавай поклон Лене и Алеше, и дуй в штаб.

Валька усмехнулся:

- Фигушки, Старый! Вместе жили, вместе и помирать будем. А БТР я уже отпустил. Так что, давай, комбат, мне винтовочку и определяй позицию.

Ну вот что с ним делать!

- Валя, блядь, это тебе не игра "Зарница"! - заорал я. - Сейчас по рации свяжусь со штабом дивизии, и хоть на самолете тебя отправлю!

Винни насмешливо наклонил голову:

- И это говорит мой лучший друг, Анатолий Старинов... И нехер орать на старшего по званию, господин капитан!

От возмущения я аж задохнулся!

- Остынь, Старый, лучше давай прикинем, как чухонцев блокировать. А может Август нас вытянет, а?

- Ну вытянет, допустим, - пробурчал я. - А как нам без жен и детей жить, ты подумал?

Валька почесал затылок:

- И то верно. Ладно, не ори и признай свершившийся факт - я с тобой.

Переброска батальона на место новой дислокации прошла быстро - недалеко было до Лестиярви. Около 3 часов пополудни собрали командиров рот и взводов. Я кратко доложил обстановку. Офицеры помолчали.

- Я, господин капитан, подобное проходил еще в 16-м, в Галиции. Тоже поставили нас против германцев, и ничего, выжили - заметил командир первой роты ротмистр Ермаков. - Поэтому, господа, предлагаю: всю артиллерию сосредоточить по флангам, вот здесь - снайперы.

Да, надобно еще растяжки на дальних соснах - он махнул рукой в сторону дороги, - поставить.

- Сделаем - коротко ответил сотник Кречетов.

Ермаков кивнул.

- Только ставить надо аккуратно и ближе к верхушкам, финны наверняка своих стрелков на деревья посадят.

- Окопы в полный рост нужны - вмешался Винни. - И орудия - в капониры. Комбат - он повернулся ко мне, - мин у нас много?

- Противопехотных - полно, с противотанковыми похуже. Павел Андреевич, займитесь пожалуйста.

Командир саперного взвода, поручик Седлецкий кивнул:

- Будет исполнено, господин капитан!

- И, господа... - я немного помолчал. - Спасибо всем за службу, желаю вам завтра уцелеть. А если не получится - умирать не страшно, я вам это говорю, как умиравший дважды.

Винни кивнул.

И работа закипела. К вечеру были отрыты траншеи с ячейками и ходами сообщений, орудия закатали в капониры и замаскировали ветками. Пластуны аккуратно навесили на ближайших соснах растяжки, гранат не жалели, их у нас было полно, как наших Ф-1, так и трофейных.

Десяток пулеметов Максима поставили по фронту, на флангах - четыре немецких единых MG-34. Основное вооружение батальона - винтовки Мосина и немецкие Маузеры, но на каждую роту приходилось по взводу автоматчиков с ППД и автоматами Федорова.

Узкий участок дороги между озером и скалами саперы плотно засыпали противопехотками ПМД-6.

Ночь прошла спокойно. А утром слышались взрывы на заминированных соснах и крики.

- Полетели финики с пальм - задумчиво произнес Валентин, смотревший в бинокль. - Старый, а танки у них есть?

- Сейчас узнаем.

Я дал отмашку флажками направо и налево, артиллерии - приготовиться!

Раздались частые хлопки ПМД-6, опять заорали финны. Молодцы саперы, хорошо срабатывали. С ревом моторов, гулко отражавшимся от нависших скал, на простор выкатились два легких танка "Renault R35" и итальянский "Carro Armato M13". Один "Рено" сразу подорвался на mine и закрутился на месте, разматывая серую ленту гусеницы. Вперед вырвался "Carro Armato" и пополз на нас, открыв огонь из трех своих пулеметов. Башенное орудие рывкнуло, и над головами прошелестел снаряд, разорвавшись далеко за траншеями.

- Перелет, - хладнокровно констатировал Полев. - Сейчас пристреляется.

- Если успеет - усмехнулся штабс-капитан Алахвари.

Слева и справа почти синхронно выстрелили наши "сорокопятки". Снаряды взрыли землю спереди и сбоку танка, башня итальянца стала разворачиваться. И тут ударило третье орудие. Классически, как на учениях, вклепив снаряд в моторный отсек. Танк вздрогнул и остановился, из кормы повалил жирный черный дым с малиновыми язычками пламени. Боковой и башенный люки открылись, басовитая очередь "Максима" скосила вывалившихся танкистов. Один уцелел и попытался спрятаться за броней. Щелкнул сухой одиночный выстрел, и фигура в черном комбинезоне ткнулась в траву.

Тем временем оставшийся "Рено" под прикрытием горящего танка начал гвоздить по нашим окопам, пошли первые раненые. Артиллеристы быстро выкатили "сорокапятку" из капонира и расстреляли его.

В бинокль отлично были видны серые фигурки, перебегавшие между подбитых танков. Финны подтягивали пехоту, сейчас пойдут в атаку. За время короткой передышки перевязали раненых, перезарядились. Пушкари закатили орудие обратно в капонир, я махнул желтым флажком. Приготовить осколочные снаряды! И пошла потеха!

Финны перли сплошной серой массой, кожухи пулеметов перегревались, у нас появились убитые. Господа офицеры садили по врагу прицельно, экономя патроны, но финнов было слишком много, и они успели выкатить свои пушки. Снайпера тут же начали работать по расчетам.

К полудню, когда дымное солнце поднялось почти в зенит, половину батальона выкосило. Полев со своей СВТ постоянно двигался по траншее, я оттащил в окоп убитого пулеметчика и занял его место, удобно пристроив к плечу приклад МГ. Чуть поодаль постреливали кубанцы. Сотника Кречетова серьезно зацепило осколком, его перевязывала Аня. Семен только скрипел зубами и просил у Анюты "спиртику для обезболивания". Она посмотрела на меня, я кивнул. Взглянул на циферблат часов - 12:23. Однако. Больше шести часов держимся!

Когда финны подвезли минометы, стало совсем хреново, потери увеличились. За время короткой передышки я собрал оставшихся в живых командиров, приказал погрузить раненых на два наших грузовика и отступать. Задачу мы выполнили. И как всегда, есть одно "но". Кому то нужно было остаться и задержать финнов, прикрывая отступление. А так хотелось еще пожить...

- Господа офицеры, мне нужны человек тридцать добровольцев. Бой будет красивый и последний. Молодняк не брать, - и усмехнулся, вспомнив легендарного капитана Титаренко - в бой идут одни старики!

Аня Тимолайнен наотрез отказалась эвакуироваться.

- Вам, товарищи офицеры, моя помощь понадобится!

Я мягко улыбнулся:

- Аня, мы здесь полчаса простоим, ну максимум час, а потом уже никакая помощь не потребуется. Езжай-ка ты, девочка, домой.

- И не подумаю!

Ноздри её прямого носа раздувались, светлые глаза были холодными.

Я посмотрел в эти глаза, все понял и помотал головой:

- Ох и упрямы вы, карелы!

- Да, мы такие, - без всякого вызова ответила Анна. - И друзей в беде не бросаем.

Узнав, что Аня остается, из грузовика неловко выпрыгнул подпоручик Силантьев, прижимая к груди руку, замотанную кровяными бинтами. Он молча подобрал ППД и встал рядом с Анной.

- Тьфу, мать вашу, Ромео и Джульетта! Хрен с вами, дуйте в окопы!

Через десять минут посыпались мины. Ствол пулемета немного остыл, и я опять начал стрелять. Сухо щелкнул затвор, выплюнув напоследок остаток ленты.

- Георгий - позвал, не оборачиваясь. - Георгий, ленту!

Штабс-капитан Алахвари не отозвался. Он прилег на край бруствера и смотрел в северное небо мертвыми глазами, из маленькой дырочки на лбу тонкой дорожкой текла кровь, пачкая его красивое лицо. Скрипнув зубами, быстро заправил ленту и стал бить короткими очередями по наступавшим финнам. "Надо бы позицию сменить - подумал я. - Похоже Георгия снайпер...". Додумать не успел, по левой руке как будто стукнули палкой. Ну вот, мать его Сима как там его Хяхюхя, и до меня добрался, козел!

Опустился в траншею, рука онемела, как всегда бывает в первые минуты ранения, контузия тканей. Пока не пришла боль, кое как намотал бинт и потащил МГ по окопу. Завернув за угол, увидел вдали Полева, его ногу перевязывала Аня. С трудом взгромоздил сошки пулемета снаружи и открыл огонь. Лента была последняя. В этот момент и шарахнуло...

Скорее всего, мина не влетела в окоп, а шлепнулась рядом. Похоже несколько минут я был в отключке. В голове стоял противный звон, выстрелы слышались слабыми щелчками, весь мир почему то был синего цвета. Я попытался встать, но не смог, правая нога не слушалась. А, осколком перебило голень, вот почему так болит нога. На дне траншеи темнели бурые кляксы, гимнастерка на груди была мокрая. Я провел по ней рукой. Какая то липкая красная жижа. Я недоуменно посмотрел на руку. Похоже это моя кровь. Мысли ворочались медленно, как большие толстые пиявки. Я высунулся из окопа, на нас бежали финны. А через несколько секунд в первых рядах наступающих стали рваться снаряды, разбрасывая их по сторонам. Взрывов я не слышал, но понял, что бьют орудия. Толстые струи трассеров потянулись к серому стаду, нащупывая цели. Я обернулся. Медленно и величественно плыли громады танков КВ с красными звездами на башнях. Теплая тьма гостеприимно раскинула руки и я с наслаждением потерял сознание.

Глава 5 Госпиталь №18

Хельсинки - небольшой городок. Бомбили его мало, значительная часть зданий уцелела. Нетронутой осталась и хирургическая больница на улице Казарм, дом 13. В ней сейчас находился военный госпиталь № 18.

Я лежал и смотрел на трещины в штукатурке потолка, на соседней койке похрапывал Винни.

Пока танкисты добивали остатки 38-го пехотного полка, Аня вместе с поручиком Седлецким и немногими уцелевшими офицерами выволакивала раненых из траншей и делала все что могла в этих условиях. Когда меня потянули из окопа, я очнулся. А когда Анна попыталась сделать репозицию костей, я заорал и снова потерял сознание. Правда, я этого не помнил, это позже рассказал Валька. Пришел в себя уже на операционном столе, где меня сунули в наркозную маску и опять усыпили.

За танкистами шел 252-й мотострелковый полк 70-й дивизии РККА, нас перевязали, слегка подштопали и в санитарных ГАЗах повезли в медсанбат. В автобусе подпоручик Миша Силантьев, получивший еще ранения, умер. Анна вколола ему адреналин прямо в сердце, непрямой массаж, искусственное дыхание - и ожил Силантьев. Теперь, как порядочный офицер, он просто обязан был жениться на нашей Анюте! По моему, она не возражала. Полевую крупнокалиберную пуля чуть не вырвала кусок бедра, но сейчас он уже шел на поправку. Вообще я заметил, что в этой Параллели раны у нас заживают быстрее. Вот например, когда меня подстрелили пограничники на Бяле, я с таким ранением должен был загнуться. Однако нет, дошел до сторожки и выжил.

Сотнику Кречетову осколок пробил грудь, попутно срезав один из георгиевских крестов, о чем Петрович сильно переживал. Его прооперировали, осколок вынули и отдали на память.

- Представляешь, комбат, на палец от сердца застрял, паскуда! - с жаром рассказывал Семен, навесивший нас через две недели. Его палата была этажом ниже.

Из батальона уцелело всего восемьдесят человек. Многие из тех, с кем мы начинали в апреле, погибли. Вечная вам память, друзья!

Ну а мне скрепили отломки костей пластинами из нержавеющей стали и ногу загипсовали, оставив маленькое окошко. Посеченную осколками грудь зашили, левую руку тоже поправили и лекаря не разрешали вставать даже по нужде - для сих целей имелся эмалированный плоский сосуд, на медицинском жаргоне именуемый судном.

- Сестра, судно капитану! - веселился Винни, смущая нашу палатную медсестру Танечку, молодую смешливую девчонку из Ленинграда. Она нас называла либо по званиям, либо по имени-отчеству.

Заворочался на койке Винни, открыл глаза и подмигнул.

- Старый, - задумчиво спросил он - а какой у тебя размер обуви?

Я пожал плечами.

- Сорок первый. А что?

- Эх, - с грустью ответил Валька, - у меня сорок второй, жаль. А то если бы нам ноги отрезали, могли бы экономить, одну пару ботинок на двоих покупать!

И радостно заржал. Я тоже захихикал, но скривившись, схватился за посеченную грудь, еще больно, зараза!

В палату ворвался Лозинский в небрежно наброшенном на плечи белом халате. Он буквально светился.

- Ну?! - мы с Валькой повернулись к Алексею.

Тот счастливо засмеялся: - Жив, жив мой Мишка! Оказывается он спасжилет надел, а когда его после взрыва в море выбросило, поплыл к берегу. Воды правда нахлебался. В фьорде его рыбаки подобрали, карелы. Ну вот, сейчас другим катером командует.

- Слава те, Господи! - выдохнул Валька. - Ты его хоть видел?

- Не получилось, - с сожалением вздохнул Лозинский - только по радиосвязи пообщались. Как хорошо, что я Татьяне не написал, как чувствовал!

- А я тебе говорил - с удовлетворением пробасил Полев - я ж тебе говорил, все хорошо будет.

- Да да! Эх, братцы, как я счастлив!

Воровато оглянувшись на дверь, господин полковник вынул из кармана кителя пузатую бутылку, из портфеля достал балычок, сыр и три металлические стопки.

- Давайте, друзья мои, за спасение Михаила!

Валька плотоядно потер ладони, Лозинский разлил коньяк по стопкам.

- Шустовский? - удивился я.

Алексей кивнул.

- Да, Толя. Наш, крымский. Берёг чтобы за победу выпить, но сегодня такой день... Ну, господа офицеры!

Мы чокнулись. Ароматный напиток слегка обжег горло и растекся веселой струей по пищеводу. Закусили, Алексей опять наполнил стопки.

- А теперь - за вас! Вы, ребята, сделали невозможное, за что вам низкий поклон от всех. Благодаря вам остатки армии Хеглунда не прошли к морю. Они планировали эвакуироваться в Швецию, а сейчас их добивает корпус Рокоссовского с севера и наша дивизия с юга.

Кстати, - полковник посмотрел на часы - ровно через сорок минут к вам пожелует заместитель комдива полковник Винберг.

- За каким хреном? - лениво спросил я. Коньяк расслаблял.

Алексей хитро прищурился: - Узнаете сами!

Я жестом попросил его налить.

- Ну что, господа офицеры, третий тост... Вот ты, Леша, нас с Валентином поблагодарил. А спасибо надо сказать всему второму ударному батальону.

Валька кивнул.

- Вот они - настоящие герои. За павших!

Потом закурили, Лозинский достал из портфеля десять пачек "Житана", чему я обрадовался.

- Постой, - разгоняя дым рукой, озабоченно спросил Алексей - а курить то вам тут можно?

- Можно, можно - успокоил его Винни - мы лежачие. Только, господин полковник, открой окошко пошире.

Через некоторое время в коридоре раздались голоса и шаги, в дверь постучали и тут же открыли. В палату вошел полковник Винберг и с ним два капитана. Замкомдив принялся, покрутил головой и улыбнулся.

- Здравствуйте, господа! Нуу, гусары! Алексей Константинович, не прячьте коньяк и закуску, не надо.

- Здравия желаем, господин полковник! - отрапортовали мы с Винни.

Винберг пожал нам руки и торжественным тоном отчеканил:

- За проявленное мужество и героизм Приказом командующего Добровольческой Крымской дивизии вам, Анатолий Михайлович, присваивается очередной чин подполковника⁷, а Валентину Николаевичу - полковника.

Он положил погоны на тумбочки.

⁷ В Русской Императорской армии был упразднен чин майора, за капитаном сразу присваивался подполковник.

- А также от лица командования и от себя лично поздравляю вас, господа, с награждением орденами Святого Георгия первой степени!

Коробочки с орденами легли рядом с погонами.

Полковник повернулся к Лозинскому.

- Алексей Константинович, вы только героев потчуете шутовским коньяком, или нам, грешным, тоже можно причаститься?

- Разумеется, Николай Карлович!

Алексей достал еще три стопки и разлил остатки коньяка.

- За вас, господа! И за Победу!

Один из капитанов достал фотоаппарат со вспышкой, генерал Винберг встал рядом с нашими койками и приколот ордена к пижамным курткам. Несколько раз щелкнул затвор камеры, после этого замкомдив нас покинул. У меня немного кружилась голова.

- Ну что, друзья мои, - улыбнулся Лозинский - есть у меня и еще одна приятная новость. Толя, ты помнишь наш телефонный разговор?

- Конечно.

- Я говорил тебе, что правительство Крыма будет вам благодарно. Буквально вчера, на заседании Сената республики принято решение предоставить вашим семьям в полную собственность два дома в Гурзуфе. Вы ведь не против Гурзуфа?

- Мы только за! - ответил Полев.

- Собственно, это двухэтажные виллы, после смерти в эмиграции владельцев перешедшие в государственный фонд. Там потребуется мелкий ремонт, но в целом они в отличном состоянии.

Алексей взглянул на часы.

- Мне пора, господа. Но я еще буду вас навещать часто. Выздоровливайте!

Мы с Винни помахали ему руками.

- Старый, - позвал Валентин, когда дверь за полковником закрылась - ты доволен?

- Очень! Мы с тобой живы, награждены, наконец то переедем в Крым! Ребят из нашего батальона только жалко.

Полев вздохнул.

- Это да... Знаешь, мне кажется после войны на том месте, где мы умирали, поставят стеллу. И имена погибших на камне выбьют. Всех, поименно!

Потом помолчал. И тихо добавил:

- А может даже улицу в Севастополе назовут.

Потом тряхнул головой и озабоченно добавил:

- Все, хорош о грустном. Мы с тобой домой уже дней десять не писали, Лена с Наткой небось с ума сходят.

- Мда... А ведь на письме штамп госпиталя будет стоять. Как отмажемся?

- А чего тут отмазываться? - убежденно ответил Винни. - Напишем так: легко ранены, попали в госпиталь, сейчас в команде выздоравливающих.

- Ух ты! Ваша фамилия, господин полковник, случайно не Чехов? С его сестрой таланта краткостью? Ты прямо как тот бурсак из Киевской семинарии.

Валька вопросительно посмотрел на меня.

- Не слышал. Ну-ка, рассказывай.

Я усмехнулся.

- Изволь. По моему у Помяловского в "Очерках бурсы", но я точно не уверен, был упомянут случай, когда ректор семинарии остановил мчавшегося мимо бурсака: - Кто? Куда? Зачем?

- Философ. В кабаке. За водкой. - ответил на бегу семинарист.

Валька захохотал.

- Ишь как из вас, ваше благородие, интеллигентность прет! Начитанный, морда!

Я скромно улыбнулся.

- Не то что мы, солдафоны, - притворно вздохнул Полев. - Хотя и под толстой серой шинелью бьется сердце страстное и благородное.

Я похлопал здоровой рукой по одеялу.

- Браво, дружище! Лермонтовым мне отпасовал!

Валька довольно улыбнулся. Потом продолжил:

- Старый, а давай напишем, что просто заболели, а?

- О да, зеленых яблок отведали и обдристались! Нет, Валь, надо писать что мы здесь по ранению, как ты сказал, по легкому, и скоро мол опять в строй.

На том и порешили.

За окном шелестели ветки, на улице Рауханкату побрякивали трамваи, им отзывался переливчатый звон с колокольни церкви Святой Троицы.

Хорошо! Вот только лежать надоело.

На вечернем обходе заведующий хирургическим отделением военврач 1-го ранга Кратов нас тщательно осмотрел и удивленно вскинул брови. Потом сказал:

- Ну-с, товарищи, все идет даже лучше, чем я предполагал. На вас все заживает, простите, как на собаках.

- Павлова? - спросил Валентин.

- Что? А, да! - засмеялся хирург. Он лукаво прищурился. - Ходить хочется?

- Очень!

Кратов обернулся к медсестре:

- Танюша, принесите пожалуйста две пары костылей.

Мы с Винни, осторожно сунув костыли подмышки, сделали несколько шагов по палате.

- Так, так, - подбодрил нас доктор, - подойдите к окну.

Мы, пыхтя и зацепляя костылями тумбочки, подковыляли к распахнутому настежь окну.

- Не больно?

Я отрицательно помотал головой.

- Отлично! Разрешаю вам ходить по коридору, во всяком случае, до туалета точно.

- А... - начал Винни.

- А там - посмотрим. В остальном все нормально? Жалобы есть?

- Есть - притворно вздохнул Валька. - Анатолий Михалыч по ночам воет, кричит "Где мой автомат? Всех перестреляю, гады серые!"

Доктор грустно улыбнулся.

- Не только он один. Вы, господин Старинов...

- Евгений Николаевич - перебил я - можно товарищ.

- Хорошо. Вам раньше в боевых действиях участвовать приходилось? У вас на груди старое пулевое ранение.

Я кивнул: - Да, было немного.

Кратов развел руками и повернулся к Винни.

- Ну вот, что же вы хотите, госп... товарищ Полев. У нас почти все отделение по ночам с финнами воет. Это пройдет. Со временем. Кстати, товарищи, поздравляю вас с присвоением званий и с заслуженными орденами! Вы молодцы!

Новости в госпитале разносятся быстро. Замкомдив был не только у нас. Награждены были все выжившие бойцы второго ударного Крымского батальона.

А вечером за окном слышалось негромкое пение:

*Скакал казак через долину,
Через кавказские края...*

Мы с Винни, стуча костылями, подошли к окну. Внизу стояли бойцы нашего батальона, улыбались, и под руководством сотника Кречетова стройно выводили:

*Кольцо казачка подарила,
Когда казак шел во поход,
Она дарила, говорила:
«Твоя я буду через год!»*

Когда песня закончилась, из многих окон слышались негромкие аплодисменты.

Вперед вышел подпоручик Силантьев, надел фуражку. Стало тихо.

- Господин подполковник! - Михаил вскинул здоровую руку к козырьку. - Второй ударный Крымский батальон поздравляет вас с очередным чином, награждением орденом Святого Георгия, и желает быстрейшего выздоровления!

У меня в горле встал комок. Я только кивнул им и быстро отвернулся от окна, чтобы никто не видел, как их комбат плачет.

Через несколько дней, когда мы с Винни уже свободно прогуливались по коридору, нас ожидал сюрприз. Мы с Полевым играли в шахматы, в коридоре слышался стук каблучков, и в палату буквально ворвались две фурии, одна блондинка, вторая брюнетка.

Ленка, оперев руки в бока, буквально прожигала нас с Винни глазами.

- Вот они, обороты! Наташ, ты погляди на этих врунов! "Легко ранены, в команде выздоравливающих"! Придурки!

И девчонки отчехвостили нас по полной! Оказывается фото с награждением орденами напечатали в "Красной Звезде" с подробным описанием событий, на первой странице. Газету эту Яцек купил в Варшаве и привез нашим женам. Те, оставив детей под присмотром Гжеся и Марии, в тот же день на своем "мерседесе" помчались сначала в Ковно, потом в Ригу и Ревель и на пароме - в Хельсинки.

Я лежал и счастливо улыбался. Валька тоже.

- Лен, ты только посмотри на этих клоунов, еще и улыбаются! - возмутилась Наталья.

- А что, - подхватил я - вот выпишемся, и будем выступать на арене, "2-Полев-2".

- Чего это Полев? - удивился Винни. - Лучше "2-Старинов-2"!

- Полев короче.

После того как мы получили законных звездюлей, девчонок слегка пробило на слезу. Лена сидела на больничном стуле и гладила меня по голове.

- Господи, Толька, а ты поседел...

Я молча обнимал ее здоровой рукой.

- Знаешь, любимая, что такое счастье? Это когда ты рядом. Не плачь, все хорошо будет!

Я осторожно снял с ее глаз губами слезинки и поцеловал.

На соседней койке целовались Винни с Наташей.

Когда наши жены немного успокоились, Валентин рассказал им про дома в Гурзуфе.

- Ох ты! Двухэтажные виллы! - восхитилась Натка.

- Да - важно кивнул Полев. - Причем на выбор.

- На берегу моря и с бассейном! - быстро ответила Лена.

- Об чем речь! Сделаем! - я засмеялся.

Лена прижалась ко мне, я зашипел от боли.

- Что? - испуганно спросила она.

- Ничего страшного, душа моя, это так, пустяки-с!

Жена распахнула на мне пижаму и увидела посеченную осколками грудь, вчера только сняли швы.

Она осторожно провела пальцем по рубцам.

- Больно, Старый?

Я улыбнулся.

- Когда ты трогаешь, даже приятно.

Лена покачала головой.

- Господи, ну когда же ты угомонишься? На тебе живого места нет!

- Да есть одно...

- Знаю, знаю ваш казарменный юмор. Старинов! Вот прямо сейчас поклянись здоровьем нашего сына, что больше ни в какие заварухи не полезешь!

- Я на это пойтить не могу! Мне надо посоветоваться с начальством, с шефом.

- С Валентин Николаичем? - улыбнулась Лена. А глаза еще были мокрые. Валька со своей койки показал большой палец.

Лена осторожно обняла меня:

- Ох, Толька, ну вот почему я тебя люблю?

- Потому что я хороший.

Потом начался обход, после которого Наташа и Лена насели на Кратова. Видимо его ответы их успокоили, потому что поцеловав нас и сообщив что придут завтра и принесут вкусенького, они ушли. Через несколько минут на улице басовито взревел мотор "мерседеса".

Я лежал, мечтательно смотрел в окно и улыбался.

Лена и Наташа через два дня уехали домой. Наступил июль, для этих широт достаточно жаркий. Остатки финской армии были разбиты, в Хельсинки прибыли официальные представители СССР для подписания акта о капитуляции. Возглавил делегацию генерал-майор Рокоссовский. Естественно в Лиге Наций подняли вой и, с подачи Великобритании и Франции, исключили СССР из организации. Что по большому счету ничего не решало.

Мы с Валькой сменили костыли на трости и вечерами гуляли по больничному двору. Раны наши заживали быстро, Евгений Николаевич только качал головой и говорил, что в мирное время на нас с Полевым можно было бы написать докторскую диссертацию. Винни только посмеивался.

Часто приходил Лозинский, передавал приветы от наших крымских друзей. Возвращались с фронта ребята из второго ударного, нас навестили Аня Тимолайнен и уже поручик Михаил Силантьев, выписавшийся из госпиталя две недели назад. На темно-синем парадном кителе поручика алым цветом горел крест ордена Св. Анны 3 степени, у Анюты серебрилась медаль "За отвагу". Мы с Винни на их фоне в затрапезных пижамах выглядели не как обер-офицеры, а как два нищих с вокзала.

После их визита Полев посоветовался с Лозинским, Алексей вызвался помочь, и на следующий день в палату зашел, близоруко улыбаясь, старый сгорбленный еврей со свертком материи в плетеном зембеле.

- Таки мое почтение, господа! Имею представиться: Самуил Аронович Гозман. Господин полковник сказал, шо вам надо пошить парадные бруки и китель.

- Или! - ответил я, вспомнив Одессу-маму.

Гозман подозрительно взглянул на меня поверх очков.

- А скажите пожалуйста, господин...

- Старинов.

- Господин Старинов, ви таки не из наших?

Валька заржал, а я продолжил:

- Не делайте мне смешно, Гозман! Шобы да, так нет, не из ваших. Но!

Я поднял вверх указательный палец.

- Ловите ушами моих слов! Нам с господином полковником нужны парадные мундиры Русской Императорской армии высшего качества, а не какойнибудь халоймыс! Вы все поняли, Гозман?

- Конечно! И все таки позвольте поинтересоваться, откуда у вас такой замечательный акцент?

- А, - я махнул рукой, - приходилось бывать в одном южном теплом городе, где имеет смотреть на море каменный Дюк.

Портной сложил руки под подбородком, сладко улыбнулся и сказал, что сошьет для господ офицеров самые лучшие и красивые мундиры, в которых не стыдно будет показаться даже в Кремле!

Акт о капитуляции Финляндии был подписан 12 июля в Хельсинки ровно в 12 часов дня. По условиям капитуляции в состав СССР были включены вся финская Карелия, территории восточнее Выборга и Миккели, весь полуостров Рыбачий с Петсамо. Финляндии запрещалось иметь свою армию. В крупных городах, таких как Хельсинки, Турку, Лаhti, Хямеэнлинна разместились советские воинские гарнизоны. На всей территории Финляндии была создана сеть советских оккупационных комендатур. Заложена военно-морская база КБФ на Аландских островах.

Вечером 12 июля в Москве был произведен салют по случаю победы над Финляндией. Война закончилась.

В этот же день мы покинули госпиталь. Последними из нашего батальона.

По сути, мы с Валентином были уже гражданскими, но все еще находились в рядах Крымской Добровольческой дивизии. Поэтому ношение формы - обязательно.

Гозман не подвел, мундиры сидели как влитые! На левом рукаве моего кителя белели три нашивки за ранения, золотые погоны с тремя крупными звездами эффектно смотрелись на темно-синем мундире. На правом боку с португеей примостилась потрепанная кобура "Лаhti".

Валька конечно не преминул позубоскалить по поводу нашивок.

- Старый, ну ты прямо как в "Адидасе"!

Я притворно нахмурил брови:

- Паапрашу не острить, господин полковник! А то в ухо дам! Ты просто завидуешь, что у тебя только одна полоска! И орден не забудь. В русской армии он носится на левой стороне.

С Гозманом щедро расплатились финскими марками.

Утром следующего дня прибыли в штаб дивизии и предстали перед командующим. Генерал Сотников о чем-то оживленно беседовал с высоким улыбчивым светловолосым военным с двумя звездами в красных петлицах. Рокоссовский.

Мы с Полевым откозыряли и представились.

Сотников и Рокоссовский подошли к нам, пожали руки.

Рокоссовский подмигнул:

- Тяжко пришлось, комбат?

- Як в пекле з дьяблами, пане генерале!

Генерал улыбнулся:

- Вшистка бендзе тєраз добже. Война ше скончила!⁸

И перешел на русский.

- Спасибо вам, добровольцы. Мне очень приятно сообщить вам, что Указом Президиума Верховного Совета СССР полковник Полев и подполковник Старинов представлены к орденам Красной Звезды!

Есть чем мундиры проколоть?

Я усмехнулся и достал из кармана винтовочный патрон. Когда ордена были закреплены на кителях, генералы вопросительно посмотрели на нас. А что сказать? Служу Советскому Союзу? Не пойдет. И я вспомнил вечер в Одинцове, генерала Матусевича.

"- Даже не знаю, что в таких случаях говорят...

⁸ Теперь все будет хорошо. Война закончилась! (пол.)

- А ты, Толя, скажи просто - служу Родине!
- Служу Родине, товарищ, генерал-лейтенант!"
Я вскинул подбородок и отчеканил:
- Служу Родине!
Генералы одобрительно крякнули. Также ответил и Валька.

В расположение дивизии вернулись все наши живые ребята из батальона. По такому случаю сняли на вечер банкетный зал ресторана "Каррелі", строго предупредив мэтра, чтобы никто нас не беспокоил, особенно гражданские. Все хлопоты по выбору спиртного и закусок взял на себя уже подъясаул Кречетов со своими кубанцами. К наградам Петровича прибавился еще один Георгий, уже 3-й степени, и медаль "За боевые заслуги". Когда Аня нас навещала в госпитале, привезла Семену его крест, срезанный осколком. Она подобрала его в окопе, но в горячке боя забыла отдать.

- Голуба ты моя! - заревел Семен. - Дай я тебя обниму и поцелую! Михаил, не ревнуй! - это уже усмехающемуся Силантьеву, и поцеловал нашу красавицу в губы.

К 17-00 все собрались в большом светлом зале с огромными, во всю стену, окнами, сквозь которые был виден липовый парк. Сдвинутые столы накрыты крахмальными скатертями, над фаянсовыми суповницами, возбуждая аппетит, вился легкий парок лохикейто, сливочной похлебki с лососем. Конические бутылки водки "Виипури" соседствовали с пузатыми бутылками бренди.

Я встал, налил водки.

- Друзья мои! Я хоть теперь и гражданский шпак...

Над столом прокатился смех.

- Но все же пока командир батальона. И выпить хочу не только за Победу, но и за то, чтобы эта война была последней для Крыма и для России. И еще за ваше мужество! Для меня было большой честью воевать вместе с вами! Ура, господа!

Все встали и рявнули троекратное "ура", да так что с лип сорвались голуби.

Потом выпивали еще, произносили тосты за мирную и счастливую жизнь, поздравили с предстоящей свадьбой Михаила и Анну.

- Ну, молодые, где жить будете? - перегнулся к ним через стол штаб-ротмистр Покровский.

Поручик Силантьев посмотрел на Аню. Она задумчиво улыбалась, держа в пальцах дымящуюся папиросу. После всего пережитого наша Анна стала курить.

- Скорее всего перееду к мужу в Крым - и обняла Михаила.

- Вот это правильно! У нас, Ань, в Коктебеле такие места! Красивые, и цветы кругом. Весной, когда миндаль цветет, прямо рай!

- У нас в Партените, Паша - вмешался Михаил - не хуже. А может и лучше!

Покровский махнул рукой.

- Да неважно где, лишь бы вы вместе были, и все будет хорошо. Верно я говорю, комбат?

- Совершенно верно, господин штаб-ромистр - усмехнулся я.

Понемногу темнело, зажгли приглушенный свет, а по распоряжению Полева на стол поставили свечи. Стало как-то...уютней что ли. По домашнему.

- Господа казаки, господа офицеры! - взял слово Кречетов. - У наших боевых товарищей, красных, появился такой обычай, обмывать ордена. Давайте и мы обмоем награды, политые нашей кровью.

Он снял своего Георгия и медаль, положил на дно стакана с водкой. В полном молчании послышался мелодичный звон опускаемых в стаканы наград. Сняли и мы с Полевым свои.

- За нас, братцы! - поднял стакан Петрович. - И за наших однополчан, геройски погибших. Вечная им память и слава!

Потом пили за процветание родного Крыма, за командование дивизии, за... Ну много поводов было, много. За меня? Ну да, за комбата тоже выпили маленько. Я затягивался ароматным "Житаном", смотрел на лица в колеблющемся свете свечей, и мне было хорошо и спокойно.

Приехал Лозинский, ему налили штрафную. Алексей выпил залпом и извинился за опоздание - в КРУ готовили много документов. Думаю что попутно еще и агентуру.

Винни повернулся ко мне.

- А помнишь, Старый, ты говорил, что если мировой войны не будет, ты на колени в храме станешь?

- Помню, Валя, все помню. Подождем еще пару лет, и если все будет так, встану. Вот те крест!

Я размашисто перекрестился, а Валька засмеялся и обнял меня за плечи.

От входной двери послышался шум, голоса, смех и неуверенное лопотание метрдотеля.

- Ага, вот где наши белые празднуют! И без нас! Не стыдно вам, господа? - улыбаясь во весь рот шагнул вперед подтянутый майор в черной форме.

За ним вошли человек пятнадцать мерецковских танкистов и ребят из 252-го мотострелкового. Офицеры зашумели и потянули их за стол.

- Извини, Иван - сказал я майору, севшему рядом. - Не знали, что вы в городе.

- Нормально, капитан, не тушуйся! Мы только сегодня прибыли. Ого! - он увидел погоны.

- Тебе что, полковника присвоили?!

- Нет, полковник у нас Валентин - я мотнул головой в сторону Полева, который уже травил красным "гвардейские" анекдоты, - а я только подполковник.

- Ну да, я же забыл что у вас все по дореволюционному.

Он посмотрел на мой китель.

- Молодец, комбат, хорошие награды. Обмыли?

- Само собой. А ты свой орден Боевого Красного?

На черном мундире светился красно-белой эмалью новенький орден.

- А как же, ваше высокоблагородие! Прямо на позиции. Ну что, Толя, за Победу?

- За Победу, Ваня!

Закусывая лососиной, майор Терехов рассказал, что они прогуливались по Экспланаде, и сквозь большие окна увидели знакомые лица.

- И вот мы здесь. Ты рад?

- Очень!

- Ну тогда за боевое содружество!

Кречетов поднялся из-за стола.

- Ты куда, Петрович?

Подъесаул сделал таинственное лицо и выставил ладонь.

- Сейчас!

Минут через пять он вернулся, на плече его висел черно-красный аккордеон.

- Вот, у финников одолжил на вечер.

Он снял инструмент с плеча.

-Твой то, Михалыч, прямо в щепки разнесло. Сыграй, комбат!

Его поддержали остальные.

Я пробежал пальцами по клавишам. Несколько раз растянул мехи, слипшиеся планки шелкнули, разговоры смолкли, все повернулось в нашу сторону.

Тихо полилась мелодия, а я заговорил:

- Когда мы с Валентином Николаевичем давили госпитальные матрасы, я написал песню. Поэт из меня аховый, уж не взыщите. Названия у этой песни нет. Пока. Но наверное называться она будет "Крымский ударный батальон уходит в небеса".

*Тут сосны стоят над прозрачной водой,
Нагретой смолой пахнет лето.
Но отдан приказ: нам здесь умирать.
А жить так хотелось, вообще-то.
Полдня мы держались,
Хоть ветер сдувал,
Из стали, свинца и картечи.
Вот свистнула пуля - и друг мой упал,
И в церкви зажгли ему свечи...
Атаки идут, волна за волной,
И лезут на нас эти финны.
Но русские войны встали стеной,
А сверху посыпались мины.
Наш Крымский ударный второй батальон
В огне и в крови по колено.
В траншеях разносится раненых стон
И ангелов пенье смиренно.
Погиб батальон, но память жива.
И честь офицера дорожке!
Герои на небо уходят всегда,
Становясь с каждым шагом моложе.
Мы за них будем жить, эту память хранить.
И догоним их... Только попозже.*

Стало тихо. Офицеры сидели, выпрямив спины, задумчиво глядя в даль, где наверное по облачным ступенькам шагали штабс-капитан Алахвари, поручик Колосов, урядник Степовой, капитан Никитский, прапорщик Зорин...

Ничего, ребята. Встретимся, обязательно встретимся на той стороне.

Анюта тихо плакала, ее молча обнимал Силантьев.

Лозинский грустно улыбнулся:

- А я и не знал, Толя, что ты стихи пишешь...

Вдруг снаружи раздались гулкие хлопки, я машинально кинул руку к кобуре, послышался шум отодвигаемых стульев. Вечернее небо расцвело огнями. Над Хельсинки бушевал салют Победы.

Глава 6 Домой!

Через два дня Добровольческая Крымская дивизия несколькими эшелонами прибыла в Ленинград, где мы погрузили привезенное с собой вооружение и технику в отдельные товарные вагоны. Личное оружие разрешено было оставить. Вагоны покатали в Крым, а на Марсовом поле состоялся митинг и военный парад. Впереди шагал молодой прапорщик со знаменем дивизии, за ним - полки и батальоны. Прошел и наш второй ударный.

А потом все разъехались по домам. На Московском вокзале Кречетов обнял нас с Винни. Он уже знал, что мы собираемся в Крым.

- Когда переберетесь, милости прошу ко мне в гости в станицу Фонталовскую. Найдете сразу, мой курень каждая собака знает. Я все таки волостной атаман!

Мы с Валентином взяли двухместное купе в международном экспрессе Ленинград - Вильно, отбили телеграмму домой и через одиннадцать часов вышли на перрон вокзала. Форму снимать не стали, только убрали в чемоданы пистолеты. На площадке перед вокзалом стоял полевский BMW, из которого нам навстречу шагнул улыбающийся Вацек. Он удивленно вскинул брови:

- Ого, панове, да вы настоящие генералы! И форма красивая! Это чья ж такая?

- Крымской республики, Вацлав. Привет!

Через три часа уже были дома.

Я обнял Лену и с удовольствием зарылся лицом в ее волосы. Из комнаты выскочил Лешик и прижался ко мне.

- Папа...

- Алёш, а я тебе финского медведя привез.

- Живого?!

Я засмеялся:

- Нет, плюшевого - и достал большого мишку, почти ростом с Алешу. Я купил его в Хельсинки. Пока сын с Барсиком изучали медведя, Лена с улыбкой смотрела на меня.

- Слушай, Старинов, а ты такой импозантный в форме! Она тебе очень идет. И ордена. Только, это что Красная Звезда?

- Да. И догадайся, кто собственноручно приколот мне ее на китель? Рокоссовский!

- Потом расскажешь, а сейчас мойся и за стол! Голодный?

- Собственно, как и всегда!

Лена рассмеялась. После ванны я переоделся в домашнее, мундир Лена аккуратно повесила на плечики и убрала в шкаф.

- Вечером наденешь.

Я удивился:

- А что у нас вечером?

- Дружеская пирушка в "Бялом вечоре". Будут...

Я со смехом перебил ее:

- ... пан голова, пан писарь, казак Свербыгуз, заезжий певчий с Полтавы, знаменито беруший басом, и прочие достойные лица!

Лена засмеялась и махнула рукой.

- Примерно так.

- На кого детей оставим?

- Я договорилась с пани Жарковской, она с ними посидит и спать уложит.

Пани Жарковска - наша соседка, дама лет шестидесяти, с удовольствием сидела с нашими ребятами, когда было нужно. Через полчаса пришли Полевы, мы сели за стол и отметили наше возвращение. Рассказали про войну. Многие девчонки знали из писем, но кое что нет.

- Досталось вам, мужички... - медленно произнесла Наталья.
- Ничего, мы со Старым живучие! Верно? - подмигнул мне Винни.
- Верно - улыбнулся я.

Лена взъерошила мне волосы.

- Толька, Толька... А седина тебе даже идет. И не очень старит.
- Старого не состаришь! - засмеялся Полев.

Зазвонил телефон, Лена взяла трубку. Немного поговорила, рассмеялась и позвала меня.

- Кто?

Лена прикрыла мембрану микрофона рукой: - Лозинский.

- Здравия желаю, господин полковник!

- И вам не хворать, господин подполковник! - послышался веселый голос. - С приездом, Толя!

- Спасибо!

- Вы когда собираетесь в Крым?

- Ну, я думаю через пять дней.

- Отлично! Как только приедете, граф Шереметев вас временно поселит у себя, в ваших домах сейчас идет ремонт, с обоями и мебелью решите на месте. Я думаю через неделю поздравлю вас с новосельем! До встречи!

- До встречи, Алексей!

В ресторане мы с Винни были в центре внимания. Всех интересовал наш последний бой, про который писали газеты. Я отшутился что пан Полевский расскажет о нем лучше меня.

Валентин рассказывал, дамы охали и прижимали ладони к щекам, а я увидел в глазах моего друга ледок. Тонкий такой, который стылым октябрьским утром накрывает лужи, и под ним видны пузырьки. Судя по застывшим улыбкам наших жен, они это тоже заметили. И еще один человек. Гжесь.

У нас хорошие друзья здесь, в Белостоке. И на них всегда можно положиться. Но никогда не поймет обычный человек воевавшего. Пока не пройдет через это сам. Но им не надо проходить, они замечательные ребята, честные, работающие, пусть только слушают.

Вот, Винни как раз дошел до наград. Национальной гордости польстило, что Красную Звезду привинтил нам на кителя Рокоссовский.

- Анатолий, ты говорил у вас в дивизии есть интербатальон? А поляки там были? - спросил Новак.

- Были, Радек. Хорошие ребята. Учитель из Кракова и шахтеры из Беруны. Несколько человек из Познани.

К столу подходили знакомые, поздравляли, мужчины жали руки, а дамы посматривали с определенным интересом, что льстило самолюбию наших жен.

Потом разговор плавно съехал на отъезд в Крым. Все сожалели, что больше не увидимся, но мы клятвенно пообещали приезжать в Белосток хотя бы раз в год.

Когда вернулись домой, дети уже спали. Решили не будить Дашу, завтра утром ее заберет Наталья. Тихонько посидели на кухне, прикинули, как будем добираться. Винни предложил сначала отправить жен, детей и Барсика поездом, а мы с ним поедem на машине. Но полистав железнодорожный справочник, с сожалением увидели, что относительно прямого рейса нет, сплошь одни пересадки. Поэтому решили тряхнуть стариной и поехать на двух автомобилях, а красного "конька" отправить в транспортном фургоне, вместе с двумя грузовиками вещей. Кое что продадим здесь, но с этим определимся завтра. Ближе к ночи Полевы тихонько ушли домой.

Я сел на кровать, посадил Лену на колени и стал медленно раздевать ее. Потом мы целовались, не торопясь ласкали друг друга, сдерживая нетерпение, накопившееся за эти долгие

месяцы, и лишь стоны наслаждения сопровождали нашей любви. Изголодавшиеся тела слились в одно целое и вспыхнули, стены исчезли, а над нами раскинулось ночное звездное небо...

Следующие несколько дней прошли в отъездных хлопотах. Во первых, надо было решать вопрос с транспортной фирмой "Сирена". Управлять ей из Крыма было нереально. После разговора с братьями Синицкими, решили так: мы с Полевым продаем наши пай в компании Ващеку и Яцеку. Сумма была приличная, поэтому выплаты пойдут частями в течение года, что очень обрадовало механиков. Гараж тоже купили они.

Во вторых, встал вопрос о перевозке оружия. Ближе к вечеру я набрал Лозинского.

- Привет, дружище!

- Привет, Толя!

- Леша, мне нужен твой совет. Дело в следующем - имеется небольшой арсенал, что из него можно будет привезти в Крым?

Лозинский хмыкнул:

- И велик ли арсенал?

- Два карабина, револьвер и пистолет, зарегистрированные в местном полицейском управлении...

- Вези, перерегистрируем по месту вашего проживания в Гурзуфе. Все?

Я вздохнул.

- Если бы... У Валентина "Вальтер ПП", у меня "Маузер Хсц" и трофейный "Лахти", у Лены и Наташи по "Вальтеру ППК". Плюс "Штейер М1912", "Маузер 1910", "Люгер П08" и - я слегка замаялся - модернизированный ППД.

- Господи, - оторопел Алексей - это ты с войны столько наташил?!

- Да нет - уныло протянул я. - С войны только "Лахти"...

- Толя, - вкрадчиво спросил Алексей, - ты часом не переверот задумал совершить в своем Белостоке? Может у тебя в подвале пулемет стоит?

- Понимаешь, господин полковник, жизнь контрабандиста порой бывает весьма сложной, ну и...

- Понятно, - перебил меня Лозинский. - Сейчас вы этим уже не промышляете?

- Да шоб я сгорел, как говорят в Одессе!

Лозинский рассмеялся, потом продолжил деловито:

- Значит так: пистолет-пулемет выброси или подари, один из карабинов и три пистолета имеешь право иметь как старший офицер. Таким же количеством оружия может владеть и Валентин. Ваши замечательные жены как только получают паспорта Крымской республики, регистрируют свое оружие в полицейском управлении, вы с Полевым - тоже. Паспорта на вас практически готовы, получить их - простая формальность.

- Спасибо Лёша! - искренне поблагодарил я.

- Не за что, - улыбнулся Лозинский. - Да, от польского гражданства не отказывайтесь, мало ли что - туманно добавил полковник.

- Хм, в этой Параллели можно иметь двойное гражданство?

- Да хоть тройное! - рассмеялся на том конце провода Алексей. - Ты табачного короля Стамболи помнишь?

- Ну конечно!

- Так вот, у Иосифа Вениаминовича аж четыре паспорта, что абсолютно не мешает ему быть гражданином Крыма.

- Понятно, Алексей! Тогда всех благ, привет Татьяне и Михаилу!

На следующий день мы все поехали к Гжесю попрощаться. Я отдал ему ППД. Для зарегистрированного в Польше оружия взял в управлении разрешение на перевозку, сбруя поедет в фургоне с вещами. Несколько пистолетов положил в тайник в "майбахе", остальные хорошенько запрятал в вещи. Рассчитались за квартиры, которые мы снимали, кое какую мебель погрузили в фуруны, увесистый чемоданчик с золотыми монетами аккуратно замаскировали в инструментах.

На следующий день рано утром отправились в путь. Ехали не торопясь, я хоть уже обходился без палки, но все же Лене иногда приходилось меня подменять, когда нога начинала болеть. Валька как всегда меня подкалывал и называл "Железный хромец", зараза! Переночевать остановились опять в Черновцах.

Не доезжая Бендер, Лена попросила остановить машину. Ехавший сзади Валька тоже встал на обочину.

- Вот что, мои дорогие мужчины, надевайте-ка ваши мундиры!

Наташа одобрительно кивнула. Ну что ж, пожалуй стоит надеть перед советской границей. Да и до Симферополя уже не так далеко. Мы с Винни переоделись, жены и дети вышли размять ноги и выгулять Барсика, который чуть не удрал. Вовремя поймали!

Когда наши автомобили въехали на территорию СССР, мы с Валентином предъявили паспорта. Молодой капитан с уважением посмотрел на наши награды.

- Прошу прощения, господа офицеры, Красная Звезда - за Финляндию?

- Так точно, товарищ капитан. - ответил Винни.

- А Георгиевский крест?

- Тоже.

- Пост! Смирно! - и капитан отдал нам честь. Вслед за своим командиром откозыряли и пограничники. Мы с Валькой, четко развернувшись в их сторону, тоже вскинули ладони к фуражкам. Это было...приятно.

В Одессе сначала решили не останавливаться, но капитан посоветовал нам идти на пароме до Евпатории. Оказывается, уже два года по четным числам из одесского порта ходил дизель-электрический паром "Алексей Стаханов". По времени получалось примерно так же, как и на автомобилях. Зато по морю, можно прогуляться по палубе, да в конце концов, в баре посидеть! Единогласно решили идти морем. По аппаратам загнали автомобили в грузовой дек и расположились в комфортабельных каютах на второй палубе.

Умылись, приняли душ и пошли размять ноги, оставив Барсика в каюте.

По палубе прогуливались туристы, едущие в Крым на отдых и на лечение. Были и крымчане. На двух скамейках у левого борта вольготно развалились кадеты Севастопольского Морского корпуса, возвращавшиеся с летней практики на четырехмачтовом парусном барке "Товарищ". Это мы узнали уже позже. Увидев нас с Валькой, кадеты вскочили:

- Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Мы отдали честь.

- Вольно, господа кадеты!

Разговорились. Загорелые мальчишки смотрели на наши ордена с восторгом. Потом один из них спросил:

- Господин подполковник, вы же Старинов? Командир второго ударного батальона?

Я кивнул. Кадет просиял.

- В "Севастопольском вестнике" статья про вас была, с фотографией!

Он перевел взгляд на Винни.

- А вы полковник Полев?

Валентин улыбнулся: - Он самый!

Пацаны возбужденно загудели. Один из них спросил:

- Господин подполковник, страшно было?

Я закурил сигарету.

- Страшно, ребята. На войне страшно всегда. Просто... - я помолчал, подбирая слова - вначале страх острый, а потом он становится как старая ссадина: болит, но уже терпимо. Но этот страх с тобой постоянно.

Еще немного поговорили, кадеты рассказали про свою практику, и мы расстались.

- Ну вот, Старый, - улыбнулась Наташа, - не успели в Крым прибыть, а вас уже начали узнавать.

- Это хорошо - глубокомысленно ответил Винни, - страна должна знать своих героев. Ну что, девоньки, в ресторан заглянем? Пообедаем, слегка того-с...

- Только без фанатизма, вам еще за руль садиться!

Полев сделал задумчивое лицо:

- А может вы порулите?

И не дожидаясь, пока девчонки возмутятся, добавил: - Ну нет, так нет! - и подмигнул мне.

- Наташа, Лена, нам по морю идти больше шести часов, - вмешался я - выветрится!

В ресторане было оживленно,людно. Но один свободный столик нашелся.

Алеша и Дарья с удовольствием вертели головами, им на пароме нравилось все: и басовитый гудок, когда мы отходили из Одессы, и широкая палуба, по которой они носились, и надраенная медяшка корабельной рынды, и море, непохожее на Балтику, в котором мелькали глянцево-спины дельфинов. А в ресторане их внимание привлек огромный штурвал на стене, больше их роста.

Лёшик повернулся ко мне и шепотом спросил:

- Папа, а можно его покрутить?

- Лёша, я не знаю. Вот сейчас к нам дядя официант подойдет, спросим у него.

Дядю официанта долго ждать не пришлось. Пока дамы выбирали блюда, я спросил, можно ли нашим ребятишкам покрутить штурвал.

Официант улыбнулся.

- Конечно, господин подполковник! Пусть крутят, вырастут - моряками станут!

Обрадованные Даша и Алеша хотели тут же бежать к штурвалу, но строгие мамы поставили условие: сначала поесть, а потом уж можно и покрутить интересную морскую штуку. Когда дети быстро съели суп и котлеты, запив все это компотом, мы их отпустили.

- Ваше высокоблагородие - обратился ко мне Валентин - не угодно ли шустовского коньяку отведать?

Его глаза смеялись.

- Охотно, господин полковник! Соблаговолите заказать!

- А вы, сударыни мои, чего изволите?

- А мы, господа офицеры, выпьем-ка новосветского шампанского! Да, Нат?

Наталя мечтательно зажмурилась.

- Да, Ленусик! Сто лет его не пили!

Настроение у всех было великолепное. Впереди нас ждала новая жизнь

Глава 7 Таврида

В Евпатории, на пограничном контроле, все прошло благополучно.

Пересев в авто, примерно через час мы были в Симферополе. Позвонили в Алупку Шереметевым, чтобы не сваливаться как снег на голову, и поехали дальше. Кот наш на удивление хорошо перенес поездку, он либо спал, либо садился под ветровое стекло и с удовольствием смотрел на дорогу и по сторонам, раздувая ноздри от новых запахов. Когда ему это надоедало, перелезал на заднее сиденье к Алеше и дрых, свернувшись клубком.

Наконец впереди показались башни дворца, и через Восточные ворота наши автомобили въехали на площадку. Вот и закончилось наше путешествие!

Алеша с Дашей очень обрадовались, увидев "деда Пашу и бабушку Пашу" и, сунув Барса в руки Лены, побежали здороваться, следом подошли и мы.

- Наслышан, господа, наслышан про ваши подвиги! И очень рад видеть вас! - сказал граф.

- Мы тоже очень рады! - ответила Лена.

- Батюшки, да вы и с котом своим прибыли! - рассмеялся Павел Сергеевич. - Выпускайте вашего питомца, Елена Викторовна, пусть побегает. Собак у нас нет, а кошки и коты имеются, составят вашему полосатому компанию!

Барс прыгнул на землю и не торопясь пошел изучать обстановку.

После обеда дети запросились в море, мы еще немного поговорили с Шереметевыми и набившись в BMW поехали на знакомый пляж. Дети от моря были в восторге, они плескались на мелководе, бегали по пляжу, искали красивые камешки и ракушки, лежали у берега, высунув головы из воды, а небольшие волны лениво перекатывались через их спины. Кроме нас на лежаках и полотенцах загорали еще несколько человек, как я понял, курортники из соседнего санатория "Волна". Мы помахали им руками, они в ответ тоже.

Когда солнце стало клониться к закату, поехали домой, пообещав детям завтра опять приехать на это же место.

Вечером к Шереметевым приехали гости, в основном наши старые знакомые. Лозинские, князь Голицын, Василий Шереметев, и еще несколько человек. Старший лейтенант флота Шереметев отрастил английские усы и флотские полубаки. На белом кителе отражали свет электролампочек медали "За храбрость" и "За победу над Финляндией".

Вечер прошел душевно, нас с Валькой слава богу не пытали насчет "последнего боя". Когда Алеша и Дарья начали зевать, их под присмотром гувернантки отправили спать.

- Даш, а что нужно сказать? - спросила Наташа.

- Спасибо?

- Это конечно хорошо, но что еще?

Дарья наморщила лоб, потом просияла:

- Спокойной ночи, господа!

Все заулыбались.

- Спокойной ночи!

Виктор Федорович Голицын, сидевший справа от меня, повернулся к нам с Винни, попыхивая ароматным "Дюбеком".

- Ну-с, господа, чем намерены заняться в мирной жизни?

- А вы, князь, что посоветуете? - полушутливо спросил Винни.

- Виноделие, Валентин Николаевич. - серьезно ответил Голицын. Предприятие хоть и хлопотное, но весьма выгодное и престижное. А крымские красные почвы вкупе со средиземноморским климатом позволяют производить вино, не уступающее зарубежному, а подчас и превосходящее его!

Я задумался, потом посмотрел на Валентина.

- Виктор Федорович, - ответил я Голицыну, - мы в этом деле полные профаны, и боюсь...

- Анатолий Михайлович! - князь улыбнулся. - Вы думаете мой дядюшка вначале разбирался? Просто у него был капитал, было желание, а потом нашлись специалисты, профессионалы, так сказать! Я сам не разбираюсь досконально во всех тонкостях виноделия, но это не мешает мне успешно им заниматься. Кстати, а достаточно ли у вас денег для сего предприятия? Прошу прощения за бестактный вопрос.

- У нас с Валентином Николаевичем на двоих примерно 300 000 долларов во вкладах и ценных бумагах.

- О, в таком случае, господа, могу порекомендовать вам хороший виноградник в окрестностях Судака. Господин Шустов как раз его продает, и недорого. А по поводу специалистов... Через два дня позвоните мне до обеда, я вас познакомлю кое с кем.

Голицын протянул мне визитку.

- И еще один совет я вам дам, господа полковники. От Алушты до Ялты нет ни одного приличного рыбного ресторана. Есть рыбацкие харчевни, трактирчики, где бывают рыбные блюда. А вот настоящего ресторана - нет-с!

И князь развел руками.

- Скажем, мидии в чесночно-сливочном соусе, эдакие, знаете, в скорлупках. Креветки наши, крымские, под соусом из помидорчиков, кефаль, котлеты из ставриды, да много чего еще! Так что попробуйте заняться и этим. И если у вас пойдет дело, то со своей стороны обещаю поставлять мое шампанское в ваш ресторан со скидкой!

Виктор Федорович рассмеялся.

Когда гости разъехались, мы вышли на площадку с фонтанами подышать морским воздухом перед сном.

- Ну вот, господа, вы вернулись в Крым, не прошло и пяти лет! - улыбнулся Шереметев.

- Да, Павел Сергеевич, как только мы поселимся в Гурзуфе, милости просим вас к нам в гости! - ответила Лена.

- Обязательно, Елена Викторовна! - граф поцеловал Лене руку. - Я видел те дома, которые вы будете завтра осматривать. Думаю, этот осмотр станет для вас приятным сюрпризом.

В детской было тихо, в приоткрытое окно заглядывал любопытный месяц. Лёшик посапывал, набегавшись за день. Рядом с ним на подушке развалился верный Барсик. Увидев нас с Леной, кот потянулся, зевнул и попытался сказать "мяу". Лена приложила палец к губам:

- Молчок, полосатый! - прошептала она, и мы осторожно прошли в спальню.

На следующее утро, оставив детей на попечение горничной Маши, мы на черно-красном BMW выехали в Гурзуф. За руль сел Лозинский, Винни рядом с ним, мы с Наташей и Леной - сзади, и уже минут через двадцать въехали в живописный поселок на берегу лазурного залива.

- Итак, друзья мои, - Алексей притормозил около белого особняка в колониальном стиле, - вот первая вилла. Это бывшая дача баронессы Стевен-Штейнгель.

Изящное двухэтажное здание с колоннадой, опоясывающей первый этаж, окружали кипарисы, тянувшиеся к синему небу.

- Это - дача?! - изумленно спросила Наталья.

- Да, Наташа. Вот так жили богатые люди в Крыму! - засмеялся Лозинский.

По каменным ступеням мы поднялись на крыльцо и зашли внутрь. Сквозь большие окна светило утреннее солнце, пахло свежей краской и побелкой.

- Ремонт уже закончили, вся мебель составлена в двух комнатах.

- Алексей, а бассейн здесь есть? - спросила Лена.

- Почти все виллы Крыма с бассейнами. А тут бассейн любопытный, господа: в центре его каменная чаша с фонтаном. Идемте за мной.

Когда мы осмотрели всю виллу, Лозинский предложил ехать дальше. Мы были ошарашены! Нет, я ожидал что будет хороший двухэтажный дом, но чтобы такая роскошь!

Следующей была дача купца первой гильдии Корнева. Нас она не очень впечатлила. Обилие лепнины, какая то разбросанность построек, небольшие окна... Поехали дальше.

Изящное здание в мавританском стиле со стреловидными арками и зубчатым карнизом второго этажа, с небольшой башенкой, напоминавшей минарет, понравилось мне сразу! Когда вышли из авто, я вопросительно посмотрел на Лену. Она одобрительно кивнула головой и показала большой палец.

Нас с ней устроило все: и зимний сад, и портал входа, и бассейн, и кипарисовая аллея.

- Так, Полевы, - обернулась Лена. - Не обижайтесь, но эта вилла наша!

- Ради бога! - Улыбнулся Винни. - Нам с Натальей первая очень понравилась, да, Нат?

- Особенно бассейн - мечтательно вздохнула Наташа.

- Тем более - продолжил Полев, - эти виллы почти рядом, тут - он прищурился - метров пятьсот-шестьсот, не более. Если выйдет из строя телефон, Старый будет мне с башни флажками семафорить!

Все рассмеялись.

- Спасибо большое, Алексей! - я пожал руку Лозинскому.

Он улыбнулся.

- Мне не за что, ребята. Это решение правительства Крымской республики. И, скажу по секрету, не обошлось без веского мнения сенатора Шереметева. Только между нами!

- Само собой! Большое спасибо правительству Крыма! Даже не знаю, как быть ему благодарным.

Лозинский пожал плечами: - Спокойно живите и трудитесь, это и будет благодарностью.

Когда девчонки еще раз решили осмотреть виллу "Селим", Алексей закурил и лукаво посмотрел на нас с Винни.

- Есть у вас, друзья мои, возможность потрудиться на благо республики...

- К себе в контрразведку сманиваешь? - усмехнулся я.

- Конечно. Как я понял, в ГУПАСе вы с Валентином занимались примерно тем же.

Я переглянулся с Валькой. А почему бы и нет? К тому же Лозинский прав, дело знакомое. Да и теперешний наш статус изменился.

- Ты как, Валя?

Винни утвердительно наклонил голову.

- Я не против, Старый.

Кивнув, я обратился уже к Лозинскому.

- Лёша, тут есть одна закавыка... Решили мы с полковником Полевым заняться виноделием и кое чем еще. Хотим открыть в Гурзуфе рыбный ресторан. Хватит ли у нас времени на работу в контрразведывательном Управлении?

- Хватит - убежденно сказал Лозинский. - Тем более основное занятие, коммерция - идеальное прикрытие. К тому же я думаю, Лена и Наташа будут участвовать в вашем, как сейчас модно говорить на американский манер, бизнесе. Переедете в Гурзуф, начнете ваше винодельческое предприятие, а уж потом прошу ко мне. Наше Управление в Ялте, охватывает весь южный берег Крыма. Главное Управление - в Севастополе.

Ближе к вечеру приехали грузовики с вещами и "мерседесом 500". Для водителей и экспедитора нашлись пустовавшие комнаты.

Утром наняли рабочих для уборки и разгрузки мебели и вещей из фургонов - и работа закипела! Через пару часов грузовики поехали в Белосток. Тепло попрощались с ребятами. Предприимчивые поляки забили фургоны овощами и фруктами и тронулись в обратный путь.

К вечеру оба наших дома были готовы к заселению, стекла сверкали, бассейны были наполнены, мебель расставлена, электричество подключено. Устали мы здорово, но настроение было великолепное! Дети носились по этажам, кот следом за ними. Наташа и Лена уже планировали, какие деревья и цветы нужно будет посадить, мы с Полевым сидели перед бассейном с фонтаном в плетеных креслах и смотрели на закат. На столике разместились стаканы, закуска на скорую руку и бутылка вина.

- Ну что, красавицы мои, обмоем наше новоселье? - я потер ладони.

- Конечно! Наливай, Толя!

После насыщенного дня ехать в Алупку не хотелось, поэтому Винни позвонил Шереметевым, и предупредил, что мы ночуем в Гурзуфе.

- Вам понравились дома, Валентин Николаевич?

- Это просто сказка, Павел Сергеевич! Мы до сих пор в восторге!

- Я очень рад за вас, друзья мои! Смею я поинтересоваться, какие именно виллы вы выбрали?

- Конечно. Мы с Натальей Петровной - виллу "Лидия", а Стариновы - виллу "Селим".

- Замечательно! Тем более ваши дома почти рядом. Я почему то подумал, что Анатолий Михайлович и Елена Викторовна остановят свой выбор именно на восточной архитектуре.

Прощавшись, Валентин положил трубку и сел рядом со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.